Купава Огинская

16+

Пушистая катастрофа

Купава Огинская

Пушистая Катастрофа

«Автор»

2020

Огинская К.

Пушистая Катастрофа / К. Огинская — «Автор», 2020

Я — тарса. Нечисть мелкая и, на первый взгляд, безобидная. Не боюсь трудностей, ловко справляюсь с проблемами, могу найти общий язык с ребенком и укротить оборотня. Способна мастерски выследить преступника и виртуозно его покарать. Я незаменима, неоценима и... о, блестяшка!

© Огинская К., 2020
© Автор, 2020

Содержание

ГЛАВА 1 5
ГЛАВА 2 10
ГЛАВА 3 14
ГЛАВА 4 23
ГЛАВА 5 31
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Купава Огинская
Пушистая Катастрофа

ГЛАВА 1

Хвост беспощадно коченел от холода, и лапы примерзали к железному краю мусорного бака, но я не шевелилась. Замерла в предвкушении, гипнотизируя голодным взглядом дверь с местами вздувшейся и кое-где облупившейся серой краской.

Старенький светильник над козырьком изредка мигал, освещая широкую каменную ступеньку и притоптанный грязный снег. До стены соседнего здания свет не доставал и не тревожил темноту позднего зимнего вечера, так надежно меня укрывающую.

За этой неприглядной дверью находился мой самый сладкий сон, объедки которого по вторникам, четвергам и субботам – во время смен лучшего человека на земле – попадали на мой праздничный стол. Там находилась кухня одного довольно популярного ресторана. Самого популярного на этой улице.

Где-то внизу, в снегу под баком, лениво переругивались местные кошки. Это была их кормушка, пока о ней не узнала я. Теперь она стала нашей, что блохастые мешки костей не сильно радовало, но ничего изменить они не могли.

Я была сильнее и по законам животного мира имела право диктовать свои правила.

Заветная дверь медленно открылась, и на мороз, зябко ежась в тонкой форме официантки, выскользнула девушка.

– Кис-кис-кис, – по привычке позвала она, оглядываясь, потом увидела блеск моих глаз и улыбнулась. – А, ты уже здесь.

– Р-р-ря! – гордо подтвердила, спрыгнув с бака. Входя в круг света, я жадно принюхивалась к подносу, что держала в руках девушка.

– Вот. – В снег рядом с каменной ступенькой встали три тарелки. – Ешьте, посуду заберу минут через двадцать.

Я не понимала, зачем она это говорит, но на всякий случай невнятно тявкнула, уже сунув нос в первую миску.

Ужин мой был вкусным, но скудным. Съесть все не позволяла совесть и голодные взгляды, щекочущие спину. От миски оторвалась с трудом, обернулась на бак, из-под которого на меня сверкали три пары глаз, и махнула лапой.

– Вылезайте, недоразумения.

Разрешение кошки проигнорировали и бросились к еде, лишь когда я отошла достаточно далеко. Остановившись в начале переулка, я обернулась, прежде чем выбраться на улицу, и увидела, как они жадно, с утробным рычанием заглатывают скромные подношения.

Замешкалась ненадолго, за что и поплатилась.

– Ты смотри!

Рядом со мной остановились три мальчишки. В человеческих детенышах я совсем не разбиралась и не могла точно сказать, совсем они мелкие или уже подростки, зато знала наверняка, что ничего хорошего от них мне ждать не стоит. От центрального, самого высокого, тощего и нескладного, с выглядывающими из-под шапки светлыми волосами, пахло недобрыми намерениями. Угрозой.

– А если рыжую шерсть поджечь, она будет гореть ярче? – задумчиво спросил сопливый пацан справа от опасного, с интересом мясника разглядывая мою шубку и вытирая нос рукавом куртки.

Я оскалилась.

– Сейчас узнаем, – решил светленький и склонился ко мне с жутковатой улыбкой. – Кис-кис-кис, уродина.

Предостерегающее шипение на него никак не подействовало, он даже ни на мгновение не замедлился, продолжая склоняться надо мной, и я побежала. Сорвалась с места, одним длинным прыжком оказавшись на безопасном расстоянии.

Детеныши не растерялись и бросились следом.

Вечер был поздний, людей на улицах было мало, недостаточно, чтобы замедлить их.

Я не могла бежать быстро, вынужденная внимательно следить, куда прыгаю: состав, которым зимой посыпали улицы, разъедал подушечки на лапах, раз прочувствуешь на себе – больше не сунешься.

Редкие прохожие ругались вслед мне и несущимся не глядя по сторонам детенышам.

Долго так продолжаться не могло, мне нужно было укрытие, но закоулки я игнорировала – не была уверена, что смогу найти там спасение, зато точно знала, что выбраться на главную улицу уже не успею.

Мстительная мысль остановиться, подождать, пока кто-нибудь из гаденышей меня схватит, и прожечь ему руки до костей – хотели посмотреть, как горит рыжая шерсть, я покажу – мелькнула и пропала.

Впереди, возвышаясь над всеми прохожими, прямо рядом с козырьком здания стоял огромный мужик. Мое спасение и путь на крышу.

Я уже представляла, как вскарабкаюсь на мужика, с него перепрыгну на козырек, попаду на карниз и уже с карниза, по цветочному узору, украшавшему полуколонну, заберусь на крышу…

Но успела только вскарабкаться на широкое плечо. Потом была схвачена за шкирку и подвешена в воздухе. Мужик оказался быстрым. Еще мужик оказался волком, и мне бы стоило держаться от него подальше, только густой звериный запах я почувствовала слишком поздно.

– Хм-м-м, – глубокомысленно изрек оборотень, рассматривая меня.

Под взглядом прозрачных голубых глаз мне стало настолько не по себе, что я неосознанно поджала хвост и вцепилась в него лапками.

– Что это такое? – дрожащим голосом спросила девушка, внимания на которую я раньше не обратила. Невероятное преступление с моей стороны – девушка с ног до головы была украшена блестяшками. Кольца, браслеты, сережки, заколки в волосах. И даже ее платье, хорошо видное из-под распахнутого пальто, было украшено искрящимися в свете фонарей камешками.

Сколько сокровищ…

– Нечисть, – коротко ответил волк, продолжая меня разглядывать.

– Р-р-ря! – трусливо тявкнула я, заодно поджав и задние лапы. Чтобы не дрожали.

С оборотнем ни одна здравомыслящая тарса не стала бы связываться. И я бы не стала, мне просто не повезло немножко.

– Дяденька, это хорошо, что вы ее поймали! – Светленький пироманьяк уже был рядом. Запыхавшийся и радостный, он протянул руки ко мне. – Это мое, отдайте, пожалуйста.

– Твое?

– Вернее, моей сестры. Родители на день рождения подарили. Поводок был плохо закреплен, и она сбежала. Отдайте, пожалуйста, иначе мама заругает.

Врал он мастерски, с такой жуткой верой в свои слова, что даже я поверила бы, не иди речь обо мне.

И волк поверил. С заминкой, будто сомневаясь, он опустил руку, собираясь отдать меня этому. И я осознала, что жечь сегодня все же придется.

В груди потеплело, будто кто-то на потухающие угли подул, но огонь разгорался медленно, через силу – слишком холодно было в последнее время, и слишком давно я не горела.

Меня это не устраивало. Я зажмурилась, рыкнула, подбадривая себя, и на мгновение забыла, как дышать. По телу прошлась быстрая волна яркой боли, и я загорелась.

Волк коротко охнул и отпустил меня, я мгновенно распрямилась, собираясь приземлиться на дорогу и тут же бежать, и оказалась совсем не готова к тому, что буду поймана за хвост. За мою единственную уязвимость.

Звериная реакция оборотня проявилась очень не вовремя…

Хвост не горел, и волк мог спокойно меня за него удерживать.

– Не самый лучший подарок для девочки, – нахмурился он, разглядывая обожженную ладонь.

– Вот и папа… так считает, – растерянно пробормотал пироманьяк, глядя на меня с восторгом. Его малолетние подельники топтались в нескольких шагах позади, но я отчетливо слышала, как сопливый сдавленно выругался такими словами, которых детенышу знать не положено.

– У тебя есть защитные перчатки?

Светленький покачал головой.

– Давайте я тоже ее за хвост… пока не успокоится.

Я пожароопасная, непредсказуемая нечисть, которую взрослый ответственный человек ни при каких обстоятельствах не должен отдавать ребенку. И волк, кажется, об этом подумал, но все испортила блестяшка.

– Отдай это чудовище и пойдем. У нас осталось не так много времени, чтобы выбрать подарок для Эдит.

Рука, удерживающая меня, дрогнула.

При упоминании имени некой девицы волк резко перестал быть ответственным и собирался меня отдать. Меня, потерявшую преимущество, продемонстрировавшую этим живодерам свою уязвимость…

Я запаниковала, забыла, что не должна раскрывать свою особенность, что могу сделать только хуже, и позорно заверещала:

– Да не домашняя я нечисть, блохосборник ты плешивый! Дикая я. Ничейная! Свободная! Чтоб у тебя хвост отсох, сволочь!

Пироманьяк почувствовал, что пахнет жареным – с такими-то увлечениями у него на это дело должен был быть нюх, – и рванул прочь раньше, чем я успела сдать его и его дружков.

Вслед улепетывающим живодерам мы смотрели недолго. Я вверх лапами, волк с непередаваемым выражением лица.

Блестяшка смотрела исключительно на меня.

– Оно… разговаривает.

– Высшая нечисть, – восхитительно невозмутимо поправил самого себя волк.

– Я еще и петь могу, но вам не понравится.

– Почему? – глупо спросила блестяшка.

– Потому что «могу» не значит «умею», – запальчиво тявкнула я и попыталась лягнуть волка. – Отпусти меня, блохастый, у меня дела.

– Это у меня из-за тебя дела, – сказал он мрачно, поднимая меня на уровень глаз. – Высшей нечисти, не сопровождаемой боевым магом, запрещено находиться в черте города.

– Ди… дискриминация, – грустно выдохнула я.

– Ты точно не домашняя?

– Обижаешь, блохастик, я исключительно свободная личность, а что?

– Разговорчивая слишком.

С этим спорить было бессмысленно. Поговорить я любила, хотя большую часть времени приходилось молчать или односложно тявкать, что было мучительно для моей общительной натуры.

Но жизнь мелких хищников легкой никогда не была, мне следовало бы радоваться, что сохранность моей шубки стоит так дешево. В конце концов, шесть лет назад разговаривать я совсем не умела – и ничего, жила как-то.

– Ну так что, не отпустишь, значит?

– Нет.

– Куда мы сейчас тогда?

– В отделение. Ночь посидишь в питомнике, а завтра порталом отправим тебя в какой-нибудь лес. К собратьям.

– На шубках я своих собратьев видела, – фыркнула оскорбленно.

В лес очень не хотелось, но лучше так, чем попасть в услужение к какому-нибудь боевому магу… или того хуже, стать академическим образцом. Повезло, что город для перезимовки я выбирала осознанно и специально проверила, нет ли поблизости академий.

Свою невероятную особенность я осознавала и потому берегла себя с особым старанием. Мелкая нечисть высшей становилась настолько редко, что за всю свою жизнь мне удалось повстречать такую лишь однажды. Мельком, в каком-то западном лесу.

Друзьями мы не стали, подрались из-за птичьей тушки и разошлись.

Только несколько месяцев спустя я запоздало сообразила, что нужно было узнать у той глупой рагры, как это получилось, как так вышло, что она себя осознала, как стала высшей?

Даже если бы в качестве платы пришлось оставить ей отвоеванную в честной драке перепелку. Не такая уж большая цена за возможность хоть что-то узнать.

К тому же мясо все равно было отвратительным на вкус, вроде как птица больной оказалась.

– У нас дела, – настойчиво напомнила блестяшка, за что я полюбила ее еще больше. Не только сверкает вся, но и правильные вещи говорит.

– Эдит простит мне опоздание, – не очень уверенно отозвался волк. И совсем уж неуверенно добавил: – И отсутствие подарка.

Взгляд блестяшки был красноречив и красочен, но волк его искусно проигнорировал.

Подъехавшую карету и девочку, выкатившуюся из нее с криком «папа!», проигнорировать он уже не смог.

Ровно в тот момент, как рядом с нами заржали лошади, я потухла и продолжила висеть в руках оборотня примерным смирным зверьком, хотя хвост у самого основания уже начинал болеть, а мне хотелось рычать и кусаться.

Детеныш был очарователен в своем пышном платьице, но совсем не походил на отца. От светловолосого и голубоглазого волка в ребенке была разве что аристократическая бледность. Девочку она делала похожей на куколку, оборотню же придавала нездоровый вид.

Темные искрящиеся глаза нашли меня сразу.

Она выдохнула и восторженно застыла, цепляясь за пальто волка и глядя прямо на меня.

– Подарок! – решила она. – Красивый!

– Это… нет, – попытался объяснить хоть что-то оборотень, но девочка уже схватила меня за лапу и потянула на себя. Я жалобно заскулила. Не потому, что стало больно, просто представила, как больно станет, когда меня начнут перетягивать, и не смогла сдержаться. Точно без хвоста же останусь.

Блестяшка прикрыла глаза ладошкой – и даже на ее перчатке искрилась россыпь мелких камешков.

– Осторожно, – беспомощно попросил волк, перехватив девочку за запястье. – Она опасна.

– Клевета, – тихо, чтобы слышал только оборотень, сказала я и энергично заурчала. Громко, раскатисто, как самая настоящая кошка.

Детенышу понравилось. Сдавленный восторженный визг и короткий миг свободы стали моей наградой.

Волк сдался и отпустил меня, и в следующее мгновение я уже была прижата к хрупкой детской груди.

– Спасибо.

– Без глупостей, – негромко и угрожающе велел мне волк, слабо улыбаясь дочери.

– Простите меня. – Из кареты с трудом выбралась немолодая женщина внушительных размеров. – Я говорила, что нужно подождать вас дома, но Эдит так хотела вас встретить. И ведь это же ее день рождения…

– Да, – рассеянно отозвался оборотень, – день рождения.

Я мурлыкала как ошалелая, старательно не замечая многообещающего взгляда. Хвостом чуяла: так просто с дочкой этот блохастый меня не оставит. Усыпит бдительность ребенка, выкрадет меня, а ей потом что-нибудь на замену подарит. Меня же вышвырнет в самый глухой и страшный лес.

Поэтому мне следовало быть к девочке как можно ближе, чтобы волк не мог и пальцем тронуть, выждать нужный момент и сделать лапы.

ГЛАВА 2

Ни мой план, ни план волка так просто привести в действие не удавалось. Детеныш не выпускал меня из рук ни на секунду. Тискал, гладил, просто таскал с собой.

Даже завтракать утром мы спустились вместе. Еще прошлым вечером помытая лично волком под чутким руководством его дочери я и сияющая Эдит.

Говорить при девочке я опасалась, хотя порой очень хотелось попросить ее душить меня с чуточку меньшим энтузиазмом.

Блестяшки за столом не было. Носительница невероятных сокровищ оказалась не женой волка, не матерью девочки и вроде бы даже не их близкой родственницей и сразу после праздничного ужина отбыла к себе. Ее статус в этой семье был мне непонятен, но я надеялась, что мы еще встретимся и я буду достаточно удачливой, чтобы позаимствовать у нее хотя бы парочку блестяшек.

Сокровищница моя не пополнялась уже несколько месяцев, пора было это исправить.

– Эдит, зачем ты принесла ее за стол? – спросил волк, враждебно глядя на меня.

За девочку ответила ее нянька, та самая немолодая женщина из кареты.

– Она не желает разлучаться с ней ни на минуту. Если забрать, тут же впадает в истерику.

За столом воцарилась недобрая тишина.

Эдит сладко зевнула, прикрыв рот ладошкой, – спать она легла поздно, до полного изнеможения сглаживая с меня всю шерсть, утром встала трудно и до сих пор не проснулась, что не мешало ей крепко меня держать. Не вырваться, не вздохнуть лишний раз.

Но, кажется, я могла бы со временем привыкнуть к этой неосознанно жестокой детской любви. Несмотря на помятые бока и зудящую от постоянных поглаживаний шкуру, спала этой ночью я в тепле и относительной безопасности, потому утром была в прекрасном настроении.

Настолько прекрасном, что ни мрачная рожа волка, ни недовольные вздохи няньки меня не тревожили.

После завтрака Эдит усадила меня на свои колени и, как ей казалось, незаметно таскала мне еду с тарелок.

Волк сначала собирался одернуть дочь, но не смог, слишком блаженное у нее было выражение лица, пока она меня подкармливала.

Я же не только досыта наелась, но и подтвердила свои подозрения: перед детенышем оборотень был беспомощен. Первый день в этом доме, а я уже нашла слабое место самого страшного местного хищника.

Мне определенно везло.

Так я думала, пока Эдит не вышла из-за стола и мы, попрощавшись с отбывшим на работу волком, не поднялись в детскую.

Мой жизненный опыт можно было назвать богатым. Я успела побыть жертвой, хищницей и даже падальщицей, но ни разу еще мне не доводилось быть куклой.

– Тебе очень идет, пушистик, – широко улыбаясь, сказала девочка, поправляя завязки чепчика на моей голове. – Сейчас мы будем пить чай.

Пока она расставляла игрушечные чашки на столике, я почесывала кружавчики на чепчике и чувствовала, как начинают болеть придавленные уши.

День обещал быть сложным.

У Эдит было много сил, много энергии, а главное – имелась убойная фантазия. И к этой фантазии прилагалась куча адских приспособлений, любовно купленных ей отцом, нянькой, блестяшкой… неважно кем, главное – детеныш был вооружен и опасен. Приспособления удачно прикидывались детскими игрушками и не вызывали у меня особых подозрений, пока мы не познакомились ближе. И теперь я знала, что первое впечатление обманчиво.

Не то чтобы я не знала этого раньше, просто после дня, проведенного с ребенком, это знание стало ярче, больше… глубже, что ли. Как и нелюбовь к кружевам и персиковому цвету.

Волк вернулся вечером, за час до ужина.

Он был очень рад видеть выбежавшую встречать его дочь и совсем не был рад болтающейся у нее под мышкой мне.

Обменявшись тяжелыми взглядами, мы решили просто друг друга игнорировать.

***

Достижением сегодняшнего дня можно было считать то, что я пережила все испытания, не повредившись рассудком, и мисочку с едой, стоявшую теперь у правой ножки стула детеныша.

Ужинала я сама, несмотря на обиженное сопение моей жутковатой хозяйки, и еда от этого казалась еще вкуснее.

И ночью, сумев выскользнуть из ослабевшей хватки детских рук, я смогла сама пройтись по коридору второго этажа. Почувствовать, как тянет сквозняком над самым полом, как лапы мягко и тихо ступают по ковру, а когти вязнут в коротком ворсе, и увидеть, как косая линия света из приоткрытой двери перечеркивает пол и стену, разрезая почти пополам висящую там картину.

Из щели пахло зверем, усталостью и неуловимым терпким запахом чего-то алкогольного. Чтобы почувствовать все это, мне пришлось подобраться к самой двери.

Отступить, поджимая лапы, вернуться в спальню детеныша, поднырнуть под тонкую руку и уснуть у меня уже не получилось.

– Входи, – велел волк, почувствовав мое присутствие.

Я замешкалась, сомневаясь в том, что мне стоит подчиняться. Оборотень поторопил.

– Мне долго ждать?

– Ты, блохастик, мной не командуй, у меня другой хозяин, – с трудом выдавила из себя я это наглое заявление. Быть самоуверенной и дерзкой под внимательным взглядом волка было сложновато.

Я проскользнула в кабинет, приблизилась к столу, за которым сидел оборотень, и с трудом забралась на столешницу, чуть не уронив на себя малахитовый треугольник пресс-папье. И все это в гнетущей тишине.

– Чего хотел? – спросила опасливо, запоздало заметив, что в свете единственного зажженного светильника волк выглядит как-то по-особенному устрашающе.

Возможно, все дело в том, как хищно сверкали глаза в полумраке, скрывшем от меня его лицо.

– Как Эдит?

– Замечательно все у твоей Эдит. Весь день веселилась, в обед покушала, сейчас крепко спит, – отчиталась я.

– Хорошо. – Волк устало прикрыл глаза.

– Слушай, блохастик, а ты чего такой замученный?

– Не зови меня так.

– Как? Блохастиком?

– Да.

– Почему нельзя? Ты же оборотень?

Волк посмотрел на меня странно и промолчал.

– Оборотень же! – стояла на своем я. – Мехом обрастаешь, а где мех, там и блохи.

– Нет, – односложно ответил он.

– Что нет? Как нет? Я чую зверя.

Он снова промолчал, а я начинала чувствовать себя глупо.

– Слушай, папа у тебя оборотень?

– Да.

– Мама оборотень?

– Да.

– Значит, и ты оборотень! – торжественно заключила я.

– Оборотень, – повторил он с горькой улыбкой и оборвал себя, не закончив. – Только…

Я начинала раздражаться. Волк вел себя не как волк, а как трепетная пансионерка. Мялся, мямлил… разве что не краснел.

– Что «только»?

– Зверь не проснулся, – ровным голосом сказал он.

Прозвучало как приговор, как самое страшное, что может случиться в жизни.

– А если разбудить? – с надеждой спросила я.

– Невозможно.

– То есть ты пушистым никогда не был?

– И не стану.

Проклиная свою настойчивость и прямоту волка, я судорожно пыталась придумать, что сказать. Все слова после такого признания казались не теми. Я не хотела ему сочувствовать, потому что саму меня чужое сочувствие только разозлило бы, но чем-то нужно было заполнить эту неловкую тишину?

– Ну… кхм, слушай, а зовут тебя как? – мучительно выдавила из себя я.

– Хельму.

– Глупое имя, – нетактично заметила я, прежде чем представиться: – А меня можешь звать Анха.

Волк фыркнул.

– И это ты будешь критиковать мое имя?

– Меня так в пансионе назвали, – оскорбилась я. – Анха, между прочим, значит «священный дар».

– Ты – священный дар?

– Щенком я была очень миленьким.

В те безмятежные времена я была в несколько раз пушистее себя сегодняшней, меньше, круглее, а главное – с аккуратным, полностью покрытым мехом хвостом. Это уже с возрастом я полиняла, морда моя вытянулась, а хвост полностью облысел, усиливая сходство с крысами.

Собственно, три года я жила в пансионе, в клетке в учебном кабинете, и имела возможность заниматься вместе с пансионерками. Читать научилась раньше, чем говорить, подглядывая в книги и тетради девушки, сидевшей за последней партой, прямо рядом со мной. А считать – прежде, чем меня выкинули на улицу, посчитав слишком страшной.

Маленького хорошенького пушистика они готовы были любить, холить и лелеять, а большую ушастую крысу с огненно-рыжей шерстью почему-то нет.

– Слушай, блох… босс, а ты передумал, что ли, меня из города изгонять?

– Босс? – удивился волк.

– По имени звать не буду, оно дурацкое, – предупредила я.

Он пожал плечами, не имея никаких возражений.

– У меня есть к тебе деловое предложение, – сообщил он, будто вживаясь в образ моего босса.

– М-м-м?

– Ты ведь тарса, верно? Я ознакомился с информацией о твоем виде и должен сказать, она впечатляет. Я хочу, чтобы ты приглядывала за Эдит и докладывала мне о ее делах. От Марты мало толку, она боится потерять работу и многое умалчивает. Меня это не устраивает, я хочу знать все.

– Даже так… но ты ведь в курсе, что знать все может быть вредно для здоровья?

– Мое здоровье не должно тебя заботить.

Это было мое самое удачное ночное приключение, итогом которого стало неожиданное повышение. Я больше не была бессловесной зверюшкой, рисковавшей в один не самый лучший день своей жизни оказаться в самом дремучем лесу государства. Я стала настоящей охранительницей своей хозяйки.

Самой близкой, самой незаметной, самой главной ее защитой.

– Тебя ведь впечатлило, как тарсы о своих щенках заботятся, да?

Волк улыбнулся и не ответил.

Не знал он, что не всем щенкам достается материнская любовь и защита, как и не знал, что Эдит по всем показателям не смогла бы заслужить ни того ни другого – слишком слабым, беспомощным и бесперспективным детенышем она была.

Кто-то другой сказал бы, что такие не выживают в дикой природе, и отказался иметь с ней дело, я лишь потерла лапки.

– Я согласна, – сказала и протянула Хельму лапу, чтобы скрепить наш договор лапопожатием. Я видела, как это делали люди, и давно хотела попробовать сама.

Волк с серьезным видом, едва сдерживая улыбку, осторожно пожал мою лапу двумя пальцами, откинулся на спинку кресла и отсалютовал бокалом.

– Завтра отвезу тебя к ветеринару, после оформим тебя официально как домашнее животное.

– Что?

– И закажем ошейник.

– Что? Погоди, что?! Я передумала!

– Поздно, – оскалился он.

ГЛАВА 3

Самой ужасной в моем новом статусе была не необходимость каждый день играть с Эдит, терпеть ее сокрушительные нежности и молчать. И не в унизительной процедуре ветеринарного осмотра.

Самое ужасное в моем новом статусе было имя, указанное в документах.

– Пушистик? Серьезно, Пушистик?! – вполголоса бушевала я, пока детеныш спал, привалившись к стенке кареты. Равномерное укачивание и насыщенный событиями, основательно вымотавший ее день сделали свое дело.

Ребенок спал, а я могла переползти из ее объятий на колени волка и негодовать, дергая его за жилет.

– Это выбор Эдит, – с серьезным видом ответил… Хельму. Ему, конечно, с именем совсем не повезло, но это же не повод отыгрываться на мне!

– А ты не мог отказаться? Запретить? Хотя бы сказать, что это плохая идея? – безнадежно спросила я, уже понимая – не мог.

В том, что дочь оказалась его слабостью, были не только положительные стороны. Один огромный и непоправимый минус насквозь пронзил мою гордость.

Пушистик, подумать только…

– Ты тоже могла это сказать.

Устав от моего самоуправства, волк отцепил от себя мои лапки и скинул меня на скамью.

– Не могла вообще-то, – с грустью ответила я, забираясь обратно. Упрямства мне было не занимать. На самом деле, его было даже с избытком – иначе не дожила бы до своих лет. – Я с ней не разговариваю.

Хельму удивился.

– Почему же?

– Не хочу стать жертвой детской общительности, – проворчала я и еще раз дернула его за жилет – было в этом что-то успокаивающее. – Я едва ее нежности переживаю.

Сегодня было особенно сложно. Сегодня мы были на прогулке.

На меня нацепили нелепый ошейник со стилизованной косточкой-подвеской – наследство какого-то мелкого недоразумения из песьего племени – и пустили на поводке гулять по парку.

Конец поводка держала Эдит, поэтому прогулка выдалась изматывающей и унизительной. К нам подходили трижды, восторженные леди с одинаковыми лицами, и каждая считала своим долгом отметить, что я рыжая, страшная и с облезлым хвостом.

«Лучше бы родители тебе, дорогая, купили такую лапочку, как моя…»

Лапочки больше всего походили на неудачные попытки скрестить собаку с хомячком, были пушисты, трусливы, бесполезны и, что особенно меня поразило, заметно меньше меня. Такое несчастье, если на улице окажется, обделается со страху и умрет… скорее всего, тоже со страху.

Зачем оно Эдит, когда есть я? Я на улице выживу и ее, если будет надобность, сберегу.

За день девочка вымоталась, но вечером, узнав, что Хельму заберет меня у нее на несколько часов, отдавать отказалась и напросилась ехать с нами. Мужественно пообещала, что не будет жаловаться, если заскучает… и действительно не жаловалась, хотя по виду ее было несложно понять, что сидеть тихо, пока взрослые обсуждают какие-то непонятные вопросы, детенышу было мучительно.

Воодушевилась Эдит лишь раз, когда у нее спросили, как меня теперь будут звать. Тогда она одним своим словом полностью меня растоптала, а теперь тихо посапывала, сидя напротив своего отца.

– Как она сегодня? – спросил волк.

– Как и вчера. – Я обернулась на девочку. Вот такая, спящая и неопасная, она была удивительно миленькой с этим своим воздушным платьицем, круглым личиком и вьющимися темными волосами, собранными в простую, чуть растрепавшуюся прическу. – Энергичная, эмоциональная, с устрашающей тягой к обнимашкам.

Карету чуть раскачивало, в незашторенное окошко длинными вспышками проникал теплый свет уличных фонарей. Эдит что-то промычала и коротко вздохнула.

Я перевела взгляд на волка и ненадолго лишилась дара речи. С таким выражением лица он смотрел на девочку, что у меня сердце сжалось.

– Слушай, если ты ее так любишь, больше внимания ей уделяйте, что ли, – проворчала я, смущенно почесав морду обеими лапками. – Малявке, кажется, ласки не хватает.

– А я чем тут помогу? – удивился он искренне.

Безнадежный случай, сообразила я.

– Все с тобой понятно, а мать ее где? Пусть тогда она… – Я осеклась на полуслове, заметив, как застыло лицо волка. – Что не так?

Он не ответил, отвернулся к окну и больше не проронил ни слова за всю поездку.

***

– Пушистик, – сонно пробормотала Эдит, подтягивая меня поближе и сразу же вновь засыпая.

Я пожалела, что осталась спать рядом с детенышем, а не отползла в изножье кровати, возмущенно пофырчала ей в шею, пообещала себе, что никто из собратьев никогда не узнает о моем позоре, и, смирившись с творящимся беспределом, задремала в ее руках. Умудрилась даже немного помурлыкать, не специально и не для того, чтобы убаюкать и так спящую девочку. Просто… захотелось.

Пушистик так Пушистик, решила я оптимистично, могло быть и хуже.

А утром спасалась бегством, потому что «хуже», которое могло бы быть, случилось. Эдит решила Пушистика причесать.

***

Эдит была одним из тех беспокойных, оглушительных сгустков энергии, от которых я всегда старалась держаться подальше. Не показываться на глаза, не даваться в руки, обходить стороной, какими бы вкусностями они ни пытались меня приманить.

Невероятная жизнерадостность искрилось в ее глазах, улыбке, прорывалась в движениях, звенела в голосе…

И именно она, одна из тех, кого я всегда избегала, оказалась ребенком, за которым мне нужно было приглядывать.

Не самая простая работенка, но мысли о побеге с каждым днем посещали меня все реже.

Через несколько дней после того, как я стала Пушистиком официально, Эдит начала постепенно отпускать меня. Все меньше носила на руках, все чаще бегала следом – ей нравилось смотреть, как длинными скачками я преодолеваю коридор на втором этаже и как могу в два прыжка пересечь гостиную на первом этаже.

Она говорила, я почти летаю.

Домашняя прислуга, стоило мне выскочить им под ноги, обычно говорила что-то нецензурное и злое, но тихо, чтобы не услышал ребенок.

Эдит поверила, что я не исчезну, и вернула мне мою свободу, хотя порой я все еще ловила на себе ее напряженный, беспомощный и совсем не детский взгляд. В этом взгляде было нечто важное, глубинное, раскрывающее самый большой страх девочки, но у меня не получалось его понять.

Догадывалась, что дело в ее матери. В той женщине, о которой не хотел говорить Хельму и о которой мне некого больше было спросить.

Я не могла найти в себе храбрости и безрассудства, чтобы просто так раскрыть посторонним людям важную тайну обо мне. Не была уверена, что отношение прислуги не ухудшится, узнай они, что я говорить умею и вообще высшая нечисть.

Няньке детеныша, носящей скучное имя Марта, я и такая не нравилась. Она не одобряла современной моды заводить в домах нечисть и уж совсем не понимала, зачем было брать нечто малосимпатичное и приблудное с улицы, когда в городе есть питомник с элитной мелкой нечистью только самых безобидных и милых видов.

Пока Марта ворчала себе под нос или обсуждала меня с домашней прислугой, я легкомысленно ее игнорировала, не видя угрозы в пустой болтовне, но, когда однажды на прогулке она осмелилась поделиться своими мыслями с Эдит, пожалела о своей беспечности – чокнутая нянька имела на детеныша влияние.

Меня тоже многое в Марте не устраивало, начиная от ее устаревших взглядов и заканчивая привычкой шипеть на провинившуюся Эдит ядовитой змеей.

– Подумай, дорогая, может, стоит попросить господина Йегера заменить ее чем-нибудь более… соответствующим твоему статусу? Эта крыса… – ласково вещала она, проигнорировав мое утробное ворчание. Угрозы во мне она не видела напрасно. Может, я и сидела на поводке, но намордника на мне не было, зато были острые зубы и длинные когти.

– Но мне нравится Пушистик. – Эдит протянула ко мне руку. – Пушистик, ко мне.

Я, не раздумывая, подбежала к ней и проворно забралась по подолу платья и зимнему пальто под сдавленное оханье няньки, устроившись у детеныша на руках.

– Она хорошая, – сказала девочка, и, подтверждая ее слова, я замурлыкала, подставляя ушастую голову под ладонь.

Марта поджала губы, она считала меня какой угодно, но не хорошей.

– И все же девушке твоего положения стоит подобрать что-то соответствующее. С этим отродьем пусть играют деревенские дети. Может, она больная. Или бешеная. Дикая ведь тварь, никто не знает, что у нее на уме.

– Отродьем? – удивилась Эдит. – Но Пушистик не отродье, Пушистик – тарса, мне так папа сказал.

Я беззвучно оскалилась, исподлобья следя за нянькой. Напрасно я ее так долго терпела, нужно было давно пожаловаться волку, пусть бы он сам разбирался со своей работницей, невзлюбившей такой бесценный подарок его дочери, как я.

Я мечтала сделать так, чтобы нянька пожалела о своих словах. Не потому, что они меня задели, но потому, что их услышала Эдит, та самая Эдит, которая становилась все больше своей, родной, со всеми ее детскими глупостями, неумением быть нежной, слишком крепкими объятиями и бормотанием во сне. С недоеденными завтраками, которые закономерно оказывались в моей миске, стоящей рядом с ее стулом, с дурацкими кукольными чаепитиями, чепчиками и бантами. С разделенным на двоих печеньем, потому что «ну чего ты так смотришь, на». С ее будущим, в котором мне уже хотелось иметь свое место.

И это неповоротливая, нерасторопная, глупая женщина…

Мимо нас прошел странный тощий парень в старой потрепанной куртке с плешивым меховым воротом. Поравнявшись с Мартой, он на мгновение навалился на нее и тут же отшатнулся, ускорив шаг.

Нянька не стала ругаться, только сдавленно охнула, схватившись рукой за бок.

От ударившего в нос запаха крови на холке непроизвольно шерсть встала дыбом.

– Марта? – встревоженно позвала девочка, прижимая меня к себе крепче. – Марта?

Нянька осела на дорогу, Эдит застыла над ней, беспомощно оглядываясь. Звать на помощь было некого, даже странный человек успел добраться до поворота, и теперь его скрывала высокая стена из занесенных снегом кустов.

– Бежать, – тихо выдохнула я, прихватив зубами ворот пальто девочки и дернув его несколько раз. – Слышишь меня? Мы должны бежать отсюда.

Это был серьезный риск, я не представляла, как детеныш отреагирует на то, что я умею разговаривать, но молчать и дальше не могла – нам нужно было убираться как можно скорее.

– Но Марта… – Эдит никак на меня не отреагировала, не в силах справляться с двумя потрясениями одновременно.

– Выберемся из парка, найдем помощь, – пообещала я и еще раз прихватила зубами ворот ее пальто. – Ну же, малышка, здесь опасно.

Эдит сделала первый неуверенный шаг назад, отступив от обмякшей няньки, когда в начале дорожки показались три подозрительные фигуры.

Она тоже их заметила, на бледном детском личике промелькнуло облегчение, она бросилась к ним, но замерла, как на стену наткнувшись на мое рычание.

– В другую сторону. К ним нельзя!

– Но почему? Помощь…

– Живо, мелкая. Не спрашивай, беги!

Она успела пробежать несколько метров, когда и в другом конце дороги показались люди.

– В кусты! – велела я.

Эдит подчинилась без раздумий, оставив свою шапку болтаться на какой-то ветке, чуть не задушив себя шарфом и заработав длинную царапину на щеке.

Утопая по колено в снегу, она неловко бежала вперед, тяжело и загнанно дыша.

– Брось меня, будет легче. Я их задержу.

– Нет! – дрожащим голосом выдохнула она.

– Послушай, я смогу выиграть тебе немного времени, – попыталась достучаться я до здравого смысла Эдит, но в итоге оказалась лишь крепче прижата к ее груди.

Если бы она доверяла мне чуточку больше, мы бы обе спаслись, а эти сволочи, что так самоуверенно зажимали беспомощного ребенка со всех сторон, обзавелись бы серьезными ожогами, расцарапанными рожами и еще долго залечивали следы от моих укусов.

Но Эдит в меня совсем не верила, считала слабой и беспомощной и отчаянно прижимала к себе, даже когда один из этих отморозков попытался меня забрать.

Мне удалось извернуться и цапнуть его за пальцы. Мужик выругался, отдернул прокушенную руку, а здоровой ударил, целился в меня, но попал в девочку. Та отлетела назад, врезалась в дерево, медленно осела в снег и сжалась, продолжая прижимать меня к себе. Все, что мне оставалось, это рычать, хрипеть от дикой злобы, скалиться и сверкать глазами, огрызаясь на любую протянутую к Эдит руку.

– Бешеная тварь, – выругался покусанный.

– Хватит. У нас нет времени, забираем девчонку вместе с этой. Потом решим, что с ней делать.

Эдит подняли за шиворот, стараясь не размахивать руками в опасной близости от меня.

У самого входа в парк, полностью перекрывая ворота, стояла черная карета, в которую нас и затолкали.

Эдит не плакала, не смотрела на похитителя, забравшегося в карету вместе с нами, только тихо и упрямо сказала:

– Папа меня спасет.

– Спасет, конечно, – неприятно ощерился мужик. – Для того ты нам и нужна, избалованная дрянь.

Эдит съежилась, и я вновь оскалилась.

Если бы только она меня отпустила…

Мы ехали долго. Запах центральных чистых улиц сменился смрадом бедных кварталов, потом потянуло водой и рыбой – мы выехали к причалу или к старым складам, что стояли неподалеку. Точнее понять не удавалось, в моем распоряжении были лишь запахи.

К складам, убедилась я, когда нас высадили рядом с домиком сторожа, затолкали внутрь, вынудили спуститься в подвал, да там и заперли.

– Дилетанты, – с облегчением выдохнула я.

В подвале имелось одно окошко под самым потолком. Небольшое, в него едва ли пролез бы мужчина, но ребенок и я – запросто.

– Пушистик…

– Анха.

– Что?

– Зовут меня, говорю, Анха, а не Пушистик. Так что запомни и не смей реветь. Мы отсюда выберемся.

– Папа нас спасет, – поддакнула она.

– Вот еще, нас спасу я. Смирись.

Получив свободу, первым делом я осмотрелась. Убедившись, что стол, подпиравший стенку, табурет, валявшийся ножками вверх, и небольшая тумбочка – вполне себе крепкие и способны послужить на наше благо, я несколько минут просидела под дверью, прислушиваясь к шуму снаружи.

Слышно было плохо, и это успокаивало.

Раз я едва могу различить, что происходит там, значит, они совсем не слышат того, что происходит тут.

– А ты разговариваешь, – запоздало поразилась Эдит.

– И это не единственный мой талант, – фыркнула я, нервно расчесывая бок.

Меня тревожило не наше незавидное положение и не преступники, засевшие наверху, мне предстояло раскрыть перед детенышем еще один свой секрет, самый главный, и это пугало.

Довериться кому-то настолько… ненадежному.

Не было у меня уверенности, что Эдит способна хранить секреты от своего отца, но и придумать, как выбраться отсюда, не сдав себя с потрохами этой мелочи, не получалось.

– Дождемся, когда начнет темнеть, и сбежим, – решила наконец.

– А папа?

– Будет должен мне по гроб жизни, – с предвкушением отозвалась я.

Несложно было догадаться, что похитители собирались шантажировать Хельму детенышем, и больше, чем заполучить в должники волка, мне хотелось переломать этим сволочам все планы… руки, ноги, свернуть шеи, напиться их крови…

– Пушистик? – опасливо позвала Эдит, с ногами забираясь на стол.

– Анха.

– Анха, – покладисто исправилась девочка. – У тебя глаза страшно горят. И ты рычишь.

– Прости. Напугала?

Она неопределенно пожала плечами, что больше походило на утвердительный ответ, но, когда я забралась к ней на стол, в сторону не шарахнулась и с удовольствием взяла меня на руки, греясь.

Всем был хорош мой план по спасению, кроме одного: на улице царствовала зима, а подвал не отапливался.

К тому моменту, как солнце все же зашло, Эдит уже знала и о том, что я не только разговаривать умею, но и немножко огнеопасна. Открытие девочку не испугало, она с удовольствием грела руки над моим огнем и восторженно хихикала.

Проверить нас приходили лишь раз. Принесли скудный ужин для Эдит, пожелали сдохнуть мне, поставили посреди подвала тусклый светильник, чтобы мы хоть что-то видели, и снова заперли.

– Поешь, силы тебе пригодятся, – велела я. Несвежая булка и полупрозрачный чай особого аппетита не вызывали даже у меня, но девочке действительно следовало поесть.

В отличие от меня, терпеть голод днями она не умела.

Булка была разделена пополам, как и чай. Эдит не побрезговала пить из одной кружки со мной.

Когда ночь полностью вошла в свои права – мое чутье подсказывало, что время уже близко к полуночи, – и ждать дальше стало просто бессмысленно, я собрала всю свою смелость и попросила:

– Только не кричи, ладно?

Эдит кивнула, но сдержать слово не смогла и длинно взвизгнула в мою ладонь.

Превращение прошло быстро, но трудно. В последний раз перекидывалась я еще летом и успела отвыкнуть от человеческого тела. Зажать Эдит рот успела лишь чудом, почувствовала неладное и среагировала, даже не задумываясь.

Перед глазами роились черные точки, и голова кружилась от неосторожного движения.

– Ты девочка, – выдохнула мне в ладонь Эдит, глядя во все глаза.

– Девочка, – хрипло согласилась я, с трудом привыкая к себе новой.

Стоило только сбросить шубку, как мне стало холодно. Не собиралась я как-то зимой превращаться в человека, потому теплой одеждой не озаботилась.

Тонкая рубаха с чужого плеча, слишком большие штаны, подвязанные куском веревки, и босые ноги – к сегодняшнему приключению я оказалась совсем не готова. Но деваться было некуда.

– Послушай, – я взяла девочку за плечи, уверенная, что так мои слова будут иметь какой-то особенный вес, – это будет наш с тобой секрет, хорошо? Никто не должен знать, что я умею разговаривать, загораться и становиться че… девочкой. Хорошо?

– Даже папа?

– Про то, что умею превращаться, нельзя, про все остальное – можно.

– Значит, о том, что ты девочка, буду знать только я и никто больше?

– Да. Это очень важно, Эдит. Если об этом кто-нибудь узнает, меня заберут у тебя, понимаешь?

Она побледнела и кивнула.

– Наш секрет.

– Да, наш секрет. – Я нервно улыбнулась и медленно отпустила ее. Чувства, что совершила самую страшную ошибку, не было…

Человеческое тело мне досталось мелкое и на первый взгляд хилое – под стать природной сути, но даже в нем мои представления о размерах подвала серьезно изменились. Окно не казалось уже таким далеким, и потолок на самом деле был не сильно высоким, для того, чтобы добраться до окна, понадобилось всего лишь перетащить стол к другой стене и кое-как установить на нем табуретку.

Стекло я разбила полой железной и уже основательно проржавевшей трубкой, вычистила все торчащие осколки, как могла, и на всякий случай накинула на нижний край рамы кусок порванного брезента, чтобы полностью обезопасить и себя, и детеныша от возможных порезов.

Старалась не шуметь, но все равно периодически замирала и прислушивалась, опасаясь, что нас засекли.

Не засекли.

– Эдит, сейчас я выберусь и вытащу тебя, договорились?

Девочка кивнула. Она не плакала и не капризничала, держалась изо всех сил, только спросила в последний раз раньше, чем я успела подтянуться на руках и вывалиться в оконный проем:

– Но, может, все-таки подождем, пока нас спасет папа?

– Мы с тобой и сами справимся, – сказала я. Веры в то, что волк успеет раньше, чем случится что-нибудь непоправимое, у меня не было. Зато была куча дурных предчувствий. – Ведь справимся же?

Эдит неуверенно кивнула.

Руки дрожали, когда я подтянулась вверх, цепляясь за окно, и с трудом в него протиснулась. В который раз пообещав себе начать лучше следить за человеческим телом, я огляделась, убедилась, что поблизости никого нет, и сунулась обратно в окно, опасно свесившись вниз, чтобы дотянуться до протянутых ко мне рук Эдит.

– Темно, – прошептала девочка, как только выбралась, крепко обнимая меня за шею.

– Не страшно. Я вижу достаточно.

Человеческое тело было несовершенно, нелепо и слабо, стоило сменить шкуру, как вместе с рыжей шубкой я лишалась острого слуха и обоняния и почти лишалась ночного зрения. На смену четкости приходила красочность, которая сейчас, в ночи, была бесполезна.

Но даже так, даже сейчас я действительно видела достаточно.

– Забирайся, – велела я, поворачиваясь к девочке спиной.

– Пуши…

– Анха, – сказала я, не дослушав. – Забирайся, если мы задержимся тут еще немного, я совсем замерзну.

– Хорошо, – покладисто согласилась она, но прежде, чем моих плеч коснулись ее руки, шею окутал мягкий шарф. – Не замерзай, ладно?

Пришлось прикусить язык, чтобы не рассмеяться.

– Ты очаровательна, – выдохнула я и выпрямилась, ощущая тепло и вес чужого тела за спиной.

Придерживая девочку, я резво пустилась вперед в сторону городских огней, чьи отблески были отчетливо видны в небе над макушками деревьев.

Путь из города до складов в карете занял у нас около часа, сколько мы будем добираться пешком, я не знала… но верила сил мне хватит…

***

Переоценила себя немножечко.

Бредя по пустым темным улицам – а именно пустые и темные я и выбирала, – радовалась двум странным вещам: тому, что Эдит вырубилась еще на подходе к городу и теперь крепко спала, уютно сопя мне в шею, и тому, что ноги замерзли достаточно сильно, чтобы полностью утратить чувствительность. Мне не нужно было выглядеть уверенной и знающей, что я делаю, чтобы детеныш был спокоен, и мне не нужно было испытывать боль и гадать, как сильно я умудрилась поранить эти бесполезные хрупкие человеческие ноги. Запах крови преследовал меня всю дорогу до дома волка, но с ним легко было мириться.

До нужной двери мы добрались лишь на рассвете – я не искала короткий путь, я выбирала безопасные тропы и окончательно себя вымотала.

Разбудила девочку, спрятавшись в тени между двумя соседними домами напротив нужного.

– М-м-м? – сонно пробормотала она, растирая заспанные глаза.

– Мы на месте, но дальше ты должна сама, – велела я, с облегчением возвращаясь в свой привычный пушистый вид. – И запомни: о нашей тайне никому.

Позже мне придется снова перекинуться, воспользоваться ванной волка, аптечкой волка и, вероятнее всего, одеждой волка, но пока я могла обмякнуть в руках Эдит и просто без-

участно отмечать, как нетороплив и неуверен детский шаг и как все отчетливее и отчаяннее становятся тихие всхлипы.

В дверь детеныш колотил, уже самозабвенно рыдая, а у меня не было сил даже на то, чтобы успокаивающе ей помурлыкать.

Дом встретил нас хаосом, запахом успокоительных и бледными лицами прислуги.

Первым делом послали весточку волку, которого в этот счастливый миг дома не было, потом девочку напоили чаем, отмыли и переодели.

Я, забытая на стуле в коридоре второго этажа – ровно там, где меня оставили, вырвав из рук детеныша, – лениво следила за бестолковыми метаниями и прижимала уши от облегченного, немного истерического смеха женщин.

Потом вернулся волк, растрепанный, не спавший всю ночь, немного безумный и подсознательно опасный, и я смогла узнать, как все складывалось тут, пока мы мерзли в подвале там.

Няньку нашли раньше, чем она успела отойти в мир иной, доставили к целителям и сообщили дурную весть Хельму.

Не успели организоваться поиски ребенка, как в управление городской стражи на имя командора Йегера пришло интересное письмо, в котором неизвестные требовали отпустить на свободу свежепойманного бандита, по стечению обстоятельств оказавшегося очень важным винтиком преступного механизма.

Во имя здоровья дочери командора…

Неуместное восхищение статусом моего босса, который, оказывается, не только мне босс, но еще и всем местным законникам босс, проглотить удалось с трудом. Я по глазам Хельму видела – восхищение мое он не оценит. Он сейчас вообще мало что способен был оценить, зато убить мог бы и за косой взгляд.

– Если наше отсутствие еще не заметили, то их прямо сейчас тепленькими можно брать, – негромко произнесла я.

Волк кивнул.

– Я покажу…

– Ты останешься здесь. – Он посмотрел на меня диким синим глазом, и я невольно сжалась. – С Эдит.

– Эдит уже ничего не угрожает, а я бы могла помочь вам… там.

– Чем же?

– Понятия не имею, но хочу участвовать. Пожалуйста. Я заслужила право увидеть рожи этих сволочей, когда они поймут, как облажались.

Хельму сомневался недолго.

– Хорошо, отправишься со мной и расскажешь по дороге, как именно вы с Эдит смогли выбраться и как вернулись. Дорога от портовых складов долгая.

– Что могу сказать, босс, повезло тебе с дочерью, – фыркнула я, карабкаясь на его плечо по строгой форме городской стражи.

Эдит на все расспросы отвечала односложно или вовсе не отвечала, она была девочкой умной и ответственной и тайну нашу собиралась хранить.

И я тоже собиралась ее хранить, как самое заинтересованное лицо, а это значило, что ждала волка долгая, запутанная и невозможная даже в теории масштабная и бессмысленная болтовня.

Отряд захвата был собран быстро, вместо кареты были кони, что существенно ускорило наше передвижение.

Всю дорогу до складов я сидела за пазухой у волка, распластавшись по его груди, прижатая грубой тканью застегнутого на все пуговицы мундира, и врать могла очень сдержанно и тихо, не слыша половины наводящих вопросов.

Как бы волк ни представлял себе нашу беседу во время безумной скачки, он много чего не принял во внимание…

***

Для похитителей и шантажистов нерасторопная кучка полуголых сонных недоразумений, щурящихся на свет и окруживших их стражников, выглядела слишком бестолково.

И правда тепленькими взяли, подумала я, заметив, как некоторые зябко ежились, осоловело оглядываясь и мечтая вернуться под одеялко.

– Как минимум двоих нет, – негромко, на ухо волку, доложила я, не почуяв присутствие того отморозка, которого укусила вчера в парке, и второго, который ехал с нами в карете. Кареты рядом с домиком тоже не было, но сначала я не придала этому особого значения, а теперь вот задумалась… могли ли те двое тоже быть сильно важными винтиками?

Хельму кивнул, подтвердив, что услышал и принял к сведению.

Клетка для заключенных прибыла с опозданием. Стражники успели не только осмотреть домик, но и приступить к допросу.

Я изнывала от желания поучаствовать. Хотела попробовать себя в допросах и проверить, как скоро кто-нибудь из этих самодовольных болванчиков начнет говорить, если ему поджарить пяточки.

Я знала, что люди назвали бы мой допрос скорее пытками, смутно осознавала, что такое не поощряется, хотя не понимала почему. И могла только жадно следить за стражниками с плеча Хельму.

ГЛАВА 4

Волк не поехал в управление руководить допросом, а вернулся домой и весь день просидел в спальне детеныша, в дурацком розовом кресле. Слишком низком, слишком тесном и слишком неудобном для него.

Сидел в полумраке, задернув шторы и оставив гореть лишь небольшой ночник на прикроватном столике, и смотрел. Выглядел волк при этом так, что пугал и меня, и служанок, изредка заглядывавших к Эдит.

Устроившись на спинке кровати, я хорошо могла видеть их лица, когда они замечали тяжелый, мерцающий в темноте взгляд своего хозяина.

– Морду расслабь, – посоветовала я, когда терпение мое сдохло – сил больше не было смотреть на его мрачную рожу. – Если мелкая увидит, испугается, а у нее за прошедшую ночь и без тебя плохих воспоминаний с лихвой наберется.

Хельму попытался расслабиться, но получалось у него так себе.

– Спасибо.

Я растерялась.

– За совет?

– За то, что помогла ей. – Волк все еще воевал со своим лицом и выглядел жутковато. – Эдит сказала, что вы смогли оттуда выбраться только благодаря тебе.

– Да без проблем, – пробормотала я. – Ты же меня для этого и нанял, верно? Чтобы я ее защищала.

– Чтобы ты за ней присматривала. И рассказывала обо всем мне, – поправил он меня. – Эдит не должна была оказаться в подобной ситуации.

– Ты командор городской стражи, тот самый тип, из-за которого честные преступники попадают за решетку, и ты говоришь, что никто не мог попытаться надавить на тебя через дочь?

– Эта система куда сложнее, чем тебе может показаться. А закон не идеален… – ответил он через какое-то время. – До прошлого месяца между преступниками и законниками существовали определенные правила, но все изменилось после бойни в Оверане.

– Бойни?

– В тенях началась борьба за власть, – сказал он. – Не состоящий в гильдиях сброд и мелкие шайки, чтобы не лишиться жизни, покинули столицу и разбрелись по соседним городам. Нам, расположенным к Оверану ближе всех, особенно не повезло.

Из сказанного им я вынесла только самую главную мысль:

– То есть Эдит теперь всегда будет в опасности?

– Как минимум в ближайшее время. Я приставлю к ней охрану, – пообещал Хельму.

Детеныш хрипло закашлялся в подушку.

Мы переглянулись.

– Целителя? – не очень уверенно предложила я.

Потрясение и переохлаждение пошатнули здоровье Эдит, но срочно вызванный целитель заверил, что особых причин для беспокойства нет.

– Ей нужен покой, – сказал он, важно поглаживая пушистые седеющие усы. – И эти лекарства, – добавил, протягивая Хельму внушительный список.

И ушел.

– Не многовато ли? – с сомнением спросила я со своего нового, сильно удобного насеста – с плеча волка.

– Лишь бы помогло, – решил он и велел служанке купить все.

Эдит кашляла все страшнее и дольше, вяло капризничала, отказывалась есть, жалобно шмыгала забитым носом и постоянно хотела обниматься. Со мной, что волка, взявшего на себя обязанности сиделки, сильно огорчало.

Ему приходилось уговаривать Эдит поесть и выпить лекарства и читать до хрипоты сказки, а обнимали только меня. Диковатые взгляды служанок доставались тоже почему-то только мне, хотя чудить изволил их хозяин.

В какой-то момент – глубокая ночь уже плавно перетекала в сильно раннее утро, волк совсем недавно влил в детеныша очередную порцию лекарств и дремал в розовом кресле – я почувствовала исходящий от Эдит жар и всерьез всполошилась. Это я должна была быть теплее нее, это она должна была греться о меня, а не наоборот.

Чтобы не переживать в одиночестве, я разбудила Хельму, и до самого утра мы вместе сидели над неправильно горячим ребенком, дожидаясь, когда подействует жаропонижающее.

И вместе, вздрогнув, проснулись, когда покой в доме нарушила гостья.

Разрываясь между желанием еще поспать и здоровым тарсовским любопытством, которое требовало узнать, кто там заявился, я решила ни в чем себе не отказывать и поехала вниз, на первый этаж, на плече волка. В полудреме, на всякий случай вцепившись в его волосы и слабо покачиваясь в такт шагам.

У входа, быстро стягивая перчатки и одновременно пытаясь расстегнуть пальто, стояла блестяшка. Но сегодня она была какая-то не такая. На кремовом пальто и перчатках в тон не было ни камешка, в ушах скромно сверкали маленькие сережки, на пальцах, кроме обручального кольца, никаких украшений, и под длинными рукавами строгого синего платья не виднелось никаких браслетов. И даже в волосах, темных и вьющихся, совсем таких же, как у Эдит, не блестели заколки, хотя сложная прическа располагала…

Я чувствовала себя обманутой.

– Юстина, откуда ты здесь? – Изумленный волк по ступеням спускался медленно. Блестяшка успела скинуть на руки слуги пальто, изящным жестом поправить волосы и вспорхнуть к Хельму, успевшему добраться лишь до середины лестницы.

– Я слышала, что случилось, – сказала она, взяв волка под руку и подталкивая вверх. – Как я могла не прийти?

– Ты поняла, о чем я. Разве ты не отправилась с Вертом в столицу?

– Ну поехала, – согласилась она. – А потом приехала.

– Когда?

– Вчера днем.

Хельму усмехнулся.

– Тебя хватило всего на три дня?

– Верт совсем про меня забыл, друзей в Оверане у меня никогда не было, разумеется, я заскучала.

– Твой муж уехал по делам, – напомнил волк с упреком. – Ты сама напросилась с ним.

Блестяшку это почему-то разозлило.

– Ты должен быть на моей стороне. Я же всегда была на твоей! – Она встретилась со мной взглядом и запнулась. – Ну здравствуй.

Хельму покосился на меня.

– Будь дружелюбнее, – велел он. – Только благодаря этой тарсе твоя племянница сейчас дома.

Блестяшка попыталась улыбнуться и подалась ко мне, желая почесать за ухом.

Я зашипела.

В наступившей сразу за этим тишине было хорошо слышно, как тяжело кашляет Эдит за полуприкрытой дверью.

***

Эдит с блестяшкой – Юстина, волк звал ее Юстина – очень похожи, это несложно было заметить, когда они находились рядом. Темные вьющиеся волосы, темные глаза, даже в том, как они улыбались, было что-то схожее.

Гордо заняв подлокотник розового кресла и следя за этими двумя, я гадала: как сильно Юстина похожа на мать Эдит? Старшая она в семье? Младшая? А главное – что случилось с ее сестрой?

Волк спал, обмякнув в кресле. Эдит послушно улыбалась блестяшке, но не могла оторвать от меня взгляда. Ее распирало от любопытства, возможно, она хотела еще раз посмотреть на «девочку», а вместо этого должна была поддерживать беседу со своей поблекшей тетей. Простить блестяшке отсутствие украшений я не могла.

Чувствовала себя Эдит уже лучше, хотя кашляла страшно.

Блестяшка пробыла с детенышем до самого вечера и выглядела искренне обеспокоенной ее здоровьем. О том, что случилось вчера и как Эдит добиралась домой сквозь ночной город, она тактично не спрашивала, обошлась коротким отчетом, полученным от Хельму. Я слышала, как они шептались, обсуждая возможности детского тела и расстояние от портовых складов до центра города.

Юстина покинула дом после ужина, пообещав заглянуть завтра. Волк вызвался сопроводить ее до дома. Уже внизу, готовясь к отбытию, негромко сообщил кому-то из слуг, что, доставив леди домой, заедет ненадолго на работу, велел проследить, чтобы Эдит легла спать вовремя, и ушел.

Я сидела на подоконнике и из окна следила за тем, как Хельму помог блестяшке забраться в карету, потом забрался сам и почти сразу после этого экипаж тронулся. Цокот копыт по мостовой было хорошо слышно даже сквозь закрытое окно.

– А ты сделаешь еще раз «пуф»? Как тогда? – тихо спросила Эдит, подкравшись ко мне.

– Не было никакого «пуф», – сказала я, оборачиваясь. – И кто разрешил тебе покидать постель?

Девочка насупилась, но в кровать вернулась и только после того, как накрылась одеялом, жалобно спросила:

– Значит, «пуф» не будет?

– Будет, – пообещала я. – Но позже.

Не хотелось бы, чтобы меня застали в детской в моем человеческом виде… Я не обманывалась и прекрасно понимала, что выгляжу в том дурацком теле как последняя преступница.

Эдит измучилась в ожидании нужного момента, когда дом наконец затихнет и все слуги разойдутся – кто-то вернется в свою квартирку, кто-то отправится в комнату в пристройке за домом.

Нужный момент настал ближе к полуночи.

На этот раз я превращалась осторожно, перетекая из одного тела в другое, но, даже несмотря на мою неторопливость, заметить момент превращения детенышу не удалось. Это вызвало тихий разочарованный вздох.

– Видишь – и никакого «пуф», – самодовольно усмехнулась я. Ощущения нового тела пришли с легкой задержкой, и самодовольной пробыла я недолго.

Не больше секунды, а потом, ойкая, едва доползла до кресла и рухнула в него. Ноги горели, спина ныла, и шея была как деревянная. Я уже хотела вернуться обратно, в свой надежный пушистый вид, но восторженный взгляд Эдит заставлял терпеть.

На меня никогда так не смотрели.

– Это… – Она выбралась из кровати и крадучись двинулась ко мне. – Ты оборотень, да?

– Нет. Я нечисть. Знаешь, в чем разница?

Детеныш медленно покачал головой, остановившись в шаге от меня.

– Оборотни рождаются людьми и только потом пробуждают в себе зверя, у нечисти все наоборот. Мы рождаемся животными, и некоторым из нас удается разбудить в себе человека. Сомнительное удовольствие, конечно… – Я осеклась на полуслове, поймав себя на том, что чуть было не начала жаловаться ребенку на сложную жизнь вполне осознающей себя личности, застрявшей в теле животного. Я очень часто жалела о том, что пробудилась, что стала высшей нечистью и понимаю все, что со мной происходит. Особенно сильно жалела, когда порой возвращалась в леса и видела, как живут мои собратья. Их жизнь казалась такой простой… – И если кто-нибудь узнает о том, что я так умею, меня закроют в какой-нибудь лаборатории и разберут на образцы, понимаешь?

Эдит недолго помолчала.

– Это больно?

– Больно, – подтвердила я. – И обидно очень.

– Я никому не расскажу, – пообещала она. – Это наш секрет.

И я ей верила. Но еще я верила, что в случае чего успею сбежать раньше, чем меня поймают, и никто не сможет проверить, являются ли правдой невероятные слова ребенка.

Эдит потянулась потрогать мои волосы, но не решилась, да так и замерла с забавно вытянутой рукой.

– Можно, – разрешила я.

Простая ласка для человеческого тела оказалась настолько неожиданно яркой, что я невольно отпрянула, вжимаясь в спинку кресла.

Девочка тут же отдернула руку и спрятала за спину.

– Прости. Просто… прости. – Я не совсем понимала, вина ли в том, что это тело чувствительнее, чем пушистое, или просто с непривычки, но на коже, там, где до нее дотронулись пальцы детеныша, все еще отчетливо ощущалось это касание. Эдит каждый день гладила меня между ушами, и ничего, кроме слабого удовольствия, я не чувствовала. А сейчас… Почесав голову, я смущенно улыбнулась. – Я тебя напугала?

Эдит неопределенно повела плечами и севшим от восторга голосом прошептала:

– У тебя клыки.

Я тут же перестала улыбаться.

– Совсем как у папы, – добила меня мелкая.

Сравнение хуже придумать она, конечно, не могла…

Меня передергивало от одной мысли о том, что у нас с этим скучным недоволком может быть что-то общее.

– А Марта говорила, что носить короткие волосы неприлично, – добавила Эдит непосредственно.

– Когда это она такое говорила?

– Когда я хотела подстричься. – Она вздохнула. – Вот почему мальчикам можно ходить с короткими волосами, а девочкам нельзя?

– Ну… говорят, длинные волосы вроде как красиво.

Рука непроизвольно потянулась к моим коротким, едва достававшим до плеч. По меркам людей я, наверное, была очень страшненькой… Рыжая, да еще и без косы.

– Но ты же и так красивая, – наивно удивилась Эдит, ощутимо подняв мне настроение. Вкусы у девочки, конечно, были какие-то странные, стоило только вспомнить, как радовалась она тощей ушастой крысе, но мне все равно были приятны ее слова.

– Спасибо, – сказала я смущенно. – А теперь спать, – добавила безжалостно.

И никакие тяжелые вздохи и грустные глаза не могли меня разжалобить.

Убедившись, что детеныш устроился в постели и задремал, я как можно осторожнее, стараясь не разбудить Эдит и одновременно не очень-то нагружать израненные ноги, выбралась в коридор.

Где здесь находится ванная, я знала, как пользоваться благами безбедной жизни, выучила еще в первый день, пока меня мыл Хельму, а детеныш следил, чтобы все было сделано правильно. Тогда я жутко злилась на волка, а позже, поближе познакомившись с последствиями нежности Эдит, осознала, что, если бы тогда безотказный отец пошел на поводу у своей дочери и позволил ей самой меня мыть, я бы просто утонула. Неприятно это было признавать, но, кажется, Хельму меня тогда спас. А я ему в благодарность все руки исцарапала… м-да.

Отмывалась я долго, с удовольствием и под конец чувствовала себя просто неприлично чистой. Желания натягивать на себя грязную одежду, сваленную кучей у двери ванной, у меня не было.

В коридор я выскользнула, ежась от легкого ветерка, морозящего влажную кожу, прокралась по темному коридору, сильно прихрамывая, оставляя влажные – но не кровавые, точно не кровавые – следы на полу, и остановилась перед спальней волка.

Найти ее было несложно. Только от этой двери шел сильный звериный запах, как от волчьего логова.

Инстинкты требовали не дурить и убираться, здравый смысл же требовал противоположного. Найти одежду, которая на меня бы налезла, я могла только в комнате Хельму.

Не спускаться же мне вниз за аптечкой голой. Холодно, и люди почему-то обычно плохо реагируют на обнаженное человеческое тело. Будто у них под одеждой все не так и ничего подобного они раньше в глаза не видели…

Дверь я открывала медленно. Задержала дыхание, когда в нос ударил густой волчий запах. Так и не скажешь, что живущий здесь оборотень – калека и перекидываться не может.

Комната Хельму разительно отличалась от комнаты Эдит. Никаких персиковых шелковых обоев или светлых деревянных панелей, никакого кружева, никаких атласных лент и цветочного рисунка.

Все темное, однотонное, неуютное до жути. Не спальня…

– И правда логово, – пробормотала я себе под нос, с опаской входя внутрь.

Ночного зрения мне было достаточно, и я могла бы не включать свет, но я его все равно включила. Надеялась, что хотя бы освещение немного раскрасит эту унылую атмосферу.

Чуда не произошло. Комната оставалась все такой же неуютной, просто теперь я лучше ее видела. Задерживаться здесь дольше необходимого мне совсем не хотелось.

Обойдя кровать, я подкралась к большому шкафу и на мгновение замерла перед ним. Было ощущение, будто из темного нутра на меня выскочит волк, как только я открою дверцы.

Глупость же! Я видела, как он уезжал, и не слышала, чтобы возвращался. И зачем ему сидеть в шкафу?

Я понимала все это, но дверцу потянула с опаской, готовая в любой момент отскочить и сбежать. Слишком сильным был запах хищника в этой комнате, нервы просто сдавали.

Из шкафа на меня ожидаемо никто не выпрыгнул.

Подбодрив себя жалким хихиканьем, я начала перебирать рубашки Хельму. Выбирала самую удобную и приятную на ощупь… раз уж была такая возможность. Прошлая моя рубаха, которая все еще валялась в ванной, была из какой-то грубой ткани и царапала кожу.

Рубашку я выбрала быстро.

Моя новая одежка на ощупь была гладкой, льнула к телу как вторая кожа и едва ощущалась.

Я обворовала целого оборотня и чувствовала себя замечательно. Пригладив на боках свое новое приобретение, нащупала пальцами странную выпуклость – вышитые на ткани инициалы переплетались между собой в причудливый рисунок. Хельму, наверное, носил их где-то под ребрами, у меня же они оказались на бедре.

Помеченная рубашка мне сразу же разонравилась, но, перещупав еще три, я пришла к неутешительному выводу: они все тут такие.

Вдруг повезет, подумала я и взялась за проверку всего волчьего гардероба.

За этим ответственным занятием меня и настигло зловещее покашливание.

– Не припомню, чтобы у меня была назначена встреча этой ночью, – холодно сообщил Хельму.

Окна его спальни не выходили на улицу, я не могла услышать, как он вернулся, но поняла это слишком поздно.

Была беспечна и теперь рисковала лишиться хвоста.

В лучшем случае только хвоста.

Зажмурившись и бессознательно скомкав в пальцах рубашку, я напряженно прислушивалась к тихому шагу приближавшегося оборотня.

– Ты меня слышишь? – позвал он.

Еще три шага – и можно бежать, прикинула я.

Пока он обходил кровать, я могла перескочить через нее, спуститься вниз, быстро перекинуться и спрятаться, оставив заднюю дверь открытой.

И пусть волк до облысения ищет воровку, посмевшую умыкнуть его рубашку. Только рубашку, потому что поживиться блестяшками я не успела.

У Хельму были чудесные запонки, и, судя по тому, как часто он их менял, запонок было много, пропажу нескольких комплектов он бы и не заметил. А мне сокровищницу пополнять нужно было.

А теперь ни сокровищницы мне, ни целой своей шубки…

Волк подошел достаточно близко.

Сейчас, поняла я и рванула к двери. Проблемы начались сразу же: я не рассчитала мягкость кровати и чуть не запуталась в стеганом покрывале – теплые пальцы скользнули по моей ноге, но сжаться на лодыжке не успели.

Хельму коротко ругнулся, я кубарем свалилась на пол, поражая саму себя, пружинисто подскочила и вывалилась в коридор, где чуть не растянулась на полу, запнувшись за порог.

Волк преследовал молча. И настиг меня на лестнице.

Я была уверена, что легко справлюсь со спуском, перепрыгивая через ступени.

Перепрыгнуть успела три, потом уже в полете была поймана за шиворот и рухнула на лестницу.

Сначала показалось, что шею медленно пилят тупым ножом, потом появилось чувство, что еще несколькими тупыми ножами тыкают мне в спину и поясницу.

Я стонала и ругалась. Ругалась сквозь слезы.

Болело все.

Но больше всего болела гордость.

– Что смотришь, волчара беззубый? – прохрипела я, когда надо мной появилось хмурое лицо Хельму. – Исчезни, чудовище. Чтоб тебя кто-нибудь так же приласкал, как ты меня только что.

– Кто ты такая? – спокойно спросил он, не предпринимая попыток помочь мне подняться.

– У-у-у…

Свет в коридоре резко вспыхнул, ударив по глазам, и я застонала еще жалобнее, по щекам потекли слезы, не успела ведь с ночного зрения на обычное перейти. Хельму рядом глухо ругался, массируя пальцами зажмуренные веки, ему тоже досталось, и от этого я испытала мстительное удовольствие.

Быстрая дробь маленьких босых ножек на втором этаже несла с собой огромные проблемы, избежать которые не хватало времени.

Напуганная Эдит показалась в начале лестницы, сверху вниз глядя на нас. Несколько секунд ошалелой тишины закончились звонким и нервным:

– Не смей обижать Анху, она хорошая!

Прикрыв глаза дрожащей рукой, я обмякла.

– Анху, – повторил волк странным голосом.

Глянув на него сквозь пальцы, я наткнулась на мрачный оценивающий взгляд, которым Хельму прошелся по мне. От макушки до израненных ног.

– Теперь вы мне расскажете, что на самом деле случилось прошлой ночью.

Сверху послышалось виноватое «ой» и душераздирающий кашель.

***

Рубашку забирать волк не стал, мои старые вещи собственноручно выкинул и вернулся в комнату Эдит с аптечкой.

Детеныш сидел на своей постели и старательно вытирал мокрые щеки. Она чувствовала себя виноватой, хотя облажалась тут именно я.

Это я была слишком беспечной, и я попалась на глаза оборотню, это меня он поймал, это я сама себя выдавала.

Но Эдит все равно плакала и просила прощения.

Ко мне, сидящей в проклятом розовом кресле, она не подходила – папа запретил.

– Ты не выглядишь удивленным, – заметила я, когда волк опустился на ковер у моих ног, поставив рядом аптечку.

– Всегда ходили слухи, что высшая нечисть от людей что-то скрывает.

– Всегда?

– Сколько я себя помню. – Он поднял на меня взгляд. – Я никогда в это не верил, но, знаешь, теперь не могу отделаться от мысли, что моя Рэйя в академии тоже была такой, как ты.

– Рэйя?

– Грозовая соколица, – пояснил он и усмехнулся. – Характер у нее был сложный. Когда я освободил ее после завершения учебы, в благодарность Рэйя чуть не выклевала мне глаз.

– Сложный, – фыркнула я. – Вот у меня характер сложный, а у Рэйи твоей он был просто поганым. Радуйся, что отделался так легко.

Хельму хмыкнул и начал обрабатывать мою левую ногу. Ощущения были ужасные. Порезы и царапины жгло от обеззараживающей жидкости, и одновременно с этим от прикосновений волка было щекотно и тепло. Кожу там, где ее касался Хельму, хотелось почесать, чтобы стряхнуть ощущения от его рук.

– Давай все-таки я сама, а?

– Сиди смирно, – велел он, не поднимая головы.

Эдит перестала плакать и теперь смотрела на нас с любопытством, даже поближе подползла.

Я улыбнулась ей всеми своими клыками, мне казалось, девочке это должно понравиться, но в ее глазах снова появились слезы, и она зашмыгала носом.

Никогда не понять мне человеческих детенышей…

– То есть ты самый настоящий боевой маг? – спросила я, искоса следя за Эдит. Смотреть на нее прямо опасалась, вдруг опять плакать начнет. – Из тех магов, которых нечисть не любит особенно сильно и которым желает всегда всего самого плохого?

– Вероятно.

– И что дальше?

– М-м-м?

– Ну, ты сидишь тут, обрабатываешь мои раны… Когда пойдешь рассказывать всем, что я в человека превращаюсь?

– Никогда. Я отдаю себе отчет в том, что с тобой сделают, если узнают правду. – Хельму серьезно посмотрел на меня. – Не думаю, что могу позволить этому случиться. Ты спасла мою дочь.

Я посмотрела на Эдит, та гипнотизировала взглядом спину волка и нервно теребила ухо своего плюшевого чудовища. Мне сложно было представить, в каком интересном состоянии должен был пребывать мастер, сотворивший это розовое жутковатое нечто, не похожее, кажется, ни на одно живое существо на всем белом свете, но детеныш почему-то утверждал, что розовый монстр с огромными ушами просто вылитая я.

– Спасла твою дочь, да? – повторила я неторопливо, пробуя слова на вкус.

Они были такими весомыми, важными, а главное – настоящими.

– А ведь и правда спасла, – с веселым удивлением сказала я. – Слышишь, мелкая, я тебя спасла!

Эдит неопределенно шмыгнула носом.

– Ну ладно… я спасла нас, но это ничуть не преуменьшает моей героичности.

– Не преуменьшает, – согласился волк, крепче сжимая пальцы на моей лодыжке, – а теперь будь добра, успокойся и перестань дергаться.

Я притихла, но только для того, чтобы севшим от осознания собственной наглости голосом потребовать:

– Слушай, босс, а давай я тебе тех сбежавших похитителей найду, а?

– Что? – удивился он.

– Что? – встрепенулась Эдит.

– А что? – не поняла я.

ГЛАВА 5

Что это была плохая идея, я поняла на третий день бесплодных блужданий по городу и даже немного поругала себя за импульсивность. Поддалась моменту, почувствовала свою мнимую важность, захотела, чтобы волк еще раз признал мою полезность, и… ну правда, оно само как-то вырвалось.

Необдуманное, наивное предложение, едва ли имеющее надежду на удачный исход.

Описать внешность тех двоих не смогли ни пойманные похитители, ни мы с Эдит. Но если детеныш был напуган и мог не запомнить мимолетно виденные лица – в карете на того мужика она очень старательно не смотрела, боялась, – а я в принципе лица в зверином облике не способна была запомнить, то склероз похитителей выглядел странно.

Хельму говорил, что они не врут, что они не могли соврать ***его*** дознавателю, Хельму подозревал, что во всем виновата магия, Хельму случайно обмолвился, что единственная ниточка к непойманным похитителям – это я. Потому что я сумела запомнить их запах. А я впервые в жизни почувствовала себя настолько полезной, а главное – нужной… И повела себя очень самоуверенно.

Но это совсем не объясняло, зачем я так яростно спорила с несогласным Хельму и пыталась успокоить напуганную моим предложением Эдит. Чтобы теперь отмораживать хвост, лапы и самое главное – нос?

Воодушевление после победы над волком прошло в первый же день. Да, Хельму неохотно согласился с моим предложением, хотя потом, когда детеныш все же лег спать, а я еще не успела вернуться в свой пушистый вид, долго и нудно угрожал, приперев к стене в коридоре. Чтобы не думала даже сбегать и расстраивать его драгоценную дочь, чтобы не создавала проблем, чтобы не чудила, не дурила, и вообще:

– Если тебе покажется, что ты нашла кого-то из подозреваемых, сразу возвращайся ко мне, поняла?

– Так точно, босс!

– Анха, я не шучу. Сама ничего не пытайся сделать.

– Я дорожу своей шкурой и рисковать ею не буду, – заверила его я.

О том, что эту же шкуру мне придется промораживать на улице, я тогда совсем не подумала. В тепле и сытости воспоминания о злой зиме как-то поблекли и перестали меня пугать, а зря.

Три дня я покидала дом утром вместе с волком и возвращалась с ним же вечером, но все еще ничего не нашла.

В управлении стражи было шумно и интересно, но там я появлялась редко и ненадолго, на улице же, наоборот, холодно и скучно, а я вынуждена была торчать на морозе и искать.

Если бы я попросила, волк разрешил бы прекратить, перестал бы брать меня с собой и никогда бы не вспомнил о моем самонадеянном предложении. И именно поэтому я не могла попросить. Ну и еще немного потому, что найти похитителей было необходимо.

Все остальные неудачники, пойманные в домике рядом с портовыми складами, оказались простыми наемниками и ничего толком не знали.

Им заплатили за то, чтобы подержать ребенка в подвале несколько дней, а потом отдать тому, кто приедет его забирать. Кто это будет, они не знали, зачем нужен ребенок, они не знали.

Все, что от них требовалось, – выполнить свою часть работы и не попасться страже. И с этим они не справились.

С какой стороны ни посмотри, они оказались совершенно бесполезны…

На четвертый день, получив по носу веником от недоброго дворника, едва унеся лапы от стаи диких псов и поцапавшись с вороной, я была как никогда близка к тому, чтобы сдаться.

Терпения во мне никогда не было достаточно. Но когда вечером я вернулась в управление, на вопрос волка: «Как?» – упрямо повторила то, что говорила каждый день:

– Завтра точно найду.

И на пятый день, на закате, не веря своему носу, я действительно нашла. Не в бедных кварталах или сомнительных подворотнях, не там, где ожидала найти и где так усердно искала.

А в мирном жилом районе, где снимали квартиры и комнаты обычные люди.

Четырехэтажный домик из белого кирпича выглядел как игрушечный.

В окне первого этажа можно было увидеть нежно-голубые шторы в цветочек, на третьем этаже сразу под всеми пятью окнами висели кованые подоконники с присыпанными снегом ящиками, в которых летом цвели цветы.

В таком доме не было места человеку, способному похитить маленькую беспомощную девочку, но запах, смешанный с сигаретным дымом, шел именно из этого дома, из приоткрытого окна на первом этаже.

***

В управление городской стражи я неслась не чувствуя лап и жалея, что у меня нет крыльев, когда на пути возникали сложнопреодолимые преграды. Как бы замечательно было просто парить над крышами домов, вместо того чтобы метаться между людьми, слыша вслед ругательства и обещания страшной расправы.

И почему я не пернатой родилась?

Трехэтажное здание управления, основательное такое, из серого камня, находилось прямо напротив Центрального Банка страны, на центральной, самой большой и популярной среди горожан площади.

Людей у главных дверей управления всегда было много, это я усвоила еще в первый день. И больше никогда не ходила этим опасным для мелких зверей путем, предпочитая обходную дорогу, которой пользовались стражники, доставляя или забирая преступников: по тихой мрачной улочке, неожиданно хорошо освещенной и чистой для подобного места.

У задней двери управления часто стояла усталая лошадь, запряженная в повозку с демонстративно зарешеченными окошками. Волк говорил, что для стражи повозки делают особые, укрепляя каркас и добавляя заговоренные стальные прутья не только на окна, но и под обшивку. Еще он говорил, что раньше использовались клетки, установленные на телегах, и был в этом какой-то существенный минус… но дальше я его, как правило, уже не слушала.

Сегодня лошади не было.

Я пролетела мимо двери, завернула за угол и, с разгона вспрыгнув на узкий подоконник, забралась по раме на козырек и по стене, цепляясь когтями за выступы и трещины, доползла до нужного окна. Поскреблась в стекло и через несколько секунд уже грела отмороженный хвост в кабинете командора.

Мой сбивчивый эмоциональный рассказ он выслушал с невозмутимым видом, потом так же спокойно приказал своему помощнику собирать отряд.

Сам он, конечно же, собирался ехать вместе с отрядом и ловить негодяя. Слишком велик был интерес волка в этом деле, и некому было запретить ему во всем этом участвовать.

– Я с тобой, – прошептала я, когда за помощником закрылась дверь. – Я полезная.

– Конечно, со мной. Как мы без тебя его найдем? Только без глупостей.

– Так точно, босс! – радостно тявкнула я. – Но вообще-то, мог бы уже начать мне доверять. Я нечисть разумная, сообразительная, способная и очень талантливая.

– Хм-м-м, – ответил он и поднялся, неторопливо собираясь.

***

В квартире на первом этаже жил наш непойманный похититель – мерзкий тип с прокушенной рукой. Я его по забинтованной ладони узнала, заметила посеревшую, давно не обновляемую повязку, когда мужик в окно от стражи бросился, и даже заскулила от восторга.

Не ошиблась! Нашла!

Развивалось все не совсем так, как я себе представляла, но получалось даже интереснее.

На лестничной площадке стонали снесенные магической ловушкой стражники, в дверном проеме, вцепившись в косяк рукой и чудом удержавшись на ногах, хрипло ругался волк, прижимая ладонь к обожженным светом глазам.

А преступник уходил…

С улицы послышались требования сдаться, потом странный звук и сразу за ним сдавленные стоны.

– У него артефакт, – прохрипел Хельму.

И я запоздало сообразила, что мне сильно повезло.

Во-первых, потому, что волк, как только узнал, из какой квартиры пахнет преступником, велел мне оставаться на улице. Во-вторых, потому, что я не послушалась и увязалась следом, но кралась позади, под действие артефакта не попала, единственная осталась невредимой и могла продолжать преследование.

– Я его поймаю! – пообещала волку и, в три прыжка преодолев маленькую комнатку, выпрыгнула в окно.

Стражники лежали прямо на дороге, держась за головы и жалобно постанывая, прохожие жались к домам на другой стороне улицы, со страхом и одновременно нездоровым интересом вытягивая шеи, чтобы заглянуть в оскалившийся осколками стекла оконный проем.

Запах вел меня в переулок между домами.

Туда я и собиралась бежать, когда рядом со мной приземлился Хельму.

– Веди, – коротко велел он.

Сейчас волк выглядел совсем жутко. Кожа его посерела, глаза запали и покраснели из-за лопнувших сосудов. Губы посинели… Не волк, а жутик полудохлый.

– Тебе бы к целителю.

– Веди! – рявкнул он, добавив немногим спокойнее: – Сейчас сам не справлюсь. Не чувствую запахов.

– Слушаюсь, босс, – неохотно сказала я.

След был четким, идти по нему было легко, и я могла бы прибавить скорость… если бы не Хельму.

Он не успевал за мной, шатался и рисковал упасть в каждом из узких проходов между домами, что мы прошли, но упрямо брел вперед.

Это могло бы беспокоить меня очень сильно, но даже не в самом лучшем состоянии волк оказался достаточно быстрым, цель мы догоняли.

На одном из перекрестков наша жертва наступила на осколок, и воздух наполнился запахом крови, а на грязном, подтаявшем снегу появились приметные красные пятна.

– Неудачник, – пробормотала я довольно. Когда окно собственной квартиры выбивал и в снег выпрыгивал – не поцарапался даже, а тут на осколке какой-то бутылки так себе ногу распорол…

– Поторопись, – хрипло велел волк, цепляясь побелевшими пальцами за стену. Выглядел он как человек, которому уже совсем некуда торопиться и осталось только лечь вот прямо тут и отойти к предкам. Чем бы его в той квартире ни приложило, сильная была штуковина.

Я промолчала, оставив свои наблюдения при себе, и начала активнее перебирать лапами. Хельму сначала серьезно отстал, но скоро подстроился под новый темп и нагнал меня, нарушая зловещую тишину пустых подворотен хриплым натужным дыханием.

Закат окончательно потух где-то на середине нашей погони, погрузив всех нас в зимнюю ночь. По сравнению с летней она была не такой глубокой и непроглядной, и только поэтому я смогла разглядеть в снегу у стены одного из домов блекло поблескивающий бок странного камня.

– Смотри, – я подхватила его и вернулась назад, к упрямо идущему за мной волку, – странный какой, а?

Камень и правда был странным. Он будто состоял из двух частей, неровно скрепленных посередине. Синий прозрачный камень и красный держались вместе за счет черной матовой закаменевшей субстанции. Даже мне с моими скудными познаниями в магии было ясно, что камешек этот был создан человеком и, судя по выцарапанным на одной стороне символам, сделали его не для красоты.

– Амулет, – сказал Хельму, лишь мимолетно глянув на исцарапанный бок, и засунул камень в карман кителя. – Двухзарядный. Пустой.

– Это мы сейчас что, самого настоящего артефактора преследуем? – удивилась я.

В моем представлении все артефакторы были утонченными, обязательно немолодыми дядечками, с аккуратной бородкой, ухоженными руками и поблескивающим на длинном носу пенсне – как тот один-единственный их представитель, что как-то повстречался мне. И пахло от них химическими реагентами и крепким кофе, а не злобой и дешевым табаком.

– Не думаю. Я видел момент активации. – Волк еще раз потер глаза – за увиденное ему пришлось заплатить. – Едва ли этот человек часто держал зачарованные предметы в руках. Работа с амулетом была бестолковой и неловкой.

– Зато действенной, – не смогла промолчать я. – Все твои люди остались валяться там же, где их амулет и настиг. Да ты сам скоро свалишься.

Волк скрипнул зубами и будто назло мне ускорился.

Можно подумать, у него были силы на подобные глупости…

Когда до нашей цели оставалось буквально двести метров, Хельму держался уже исключительно на чистом упрямстве, а я готова была молиться матушке природе, луне и любым человеческим богам, лишь бы он не свалился к ногам нашей жертвы. Неловко получится, право слово.

В конце очередного переулка нас ждал тупик, высокая стена, ржавая лестница и мужик, упорно ползущий по ней наверх. На крышу.

Загрызу, решила я на бегу, длинными прыжками покрывая расстояние, разделяющее меня и лестницу. Нет, сначала прожарю до хрустящей корочки, а потом загрызу…

Волк что-то крикнул мне в спину, но я не расслышала, а останавливаться и переспрашивать не было времени.

Лестница под мужиком стонала и шаталась.

Я спешила изо всех сил, но настигнуть его смогла уже только на крыше.

Вцепилась с аппетитом в его ногу, прокусив штанину, и с удовольствием вгрызлась зубами в жесткое жилистое мясо.

Мужик ахнул, глухо матерясь, схватил меня за шкирку, желая оторвать от своей ноги, – вероятно, куска мяса ему для меня было не жалко, потому что разжимать челюсть я не планировала и он должен был бы это понимать.

Когда пропахшие табаком пальцы сжались на моем загривке, я глухо рыкнула и на выдохе резко выпустила на свободу пламя. Огонь обжег внутренности и вырвался наружу.

Мужик бессвязно взвыл и отдернул руку, позволив мне основательно вцепиться всеми четырьмя лапами в его ногу.

Штанина подо мной занялась мгновенно, и скоро запах горящей ткани смешался с вонью от жженых волос и жарящегося мяса. Мужик вопил на одной ноте, размахивая ногой, чем только сильнее разжигал огонь.

Спустя несколько мгновений он додумался рухнуть в снег, мне пришлось отпустить ногу и смотреть, как он, скуля и матерясь, барахтается, сбивая пламя.

Небольшой холщовый мешочек, выскользнувший из кармана его штанов, я заметила, но ослепленный болью, основательно прожаренный похититель этого даже не почувствовал.

– Что ты с ним сделала? – хрипло спросил Хельму, с трудом забравшись на крышу.

Я была уверена, что сил ему не хватит, и теперь испытывала приятное удивление. И даже немного им гордилась.

Волк умел впечатлять.

– Покарала, – отчиталась радостно, отступая в сторону и загораживая собой мешочек. – А ты не торопился.

Хельму что-то невнятно рыкнул, подошел ко все еще подвывающему похитителю и какое-то время его разглядывал.

– Он Эдит ударил, – сочла своим долгом нажаловаться я.

Лицо Хельму потемнело.

– Давай его тут быстренько порешим, а в управлении скажем, что не поймали, а?

Тишина затягивалась, мужик затихал, волк всерьез рассматривал мое предложение.

– У него могут быть важные сведения, – наконец неохотно отказался он и совсем неласково вырубил поджаренного одним ударом.

– Скучный ты, – вздохнула я. – Есть же второй. Его я бы тебе тоже нашла.

– Разговорим этого, – ответил волк, медленно, тяжело закинув обмякшее тело на плечо. – Получится быстрее.

– Тебе же так неудобно.

– Его нужно как-то спустить. – Волк дернул плечом, поправляя свою ношу. – Возвращаемся.

На самом краю он опасно покачнулся, заставив мое сердце на мгновение остановиться. Сомнений не было: с этим ненормальным волком я очень сильно рисковала в скором времени из рыжей превратиться в седую. Перспективка не радовала.

Пока Хельму спускался вниз вместе с поджаренным, у меня было время посмотреть, что такого интересного хранилось в мешочке.

Потянула за тесемку и задохнулась от восторга.

– Сокровища, – сдавленно прошептала я, жадно вглядываясь в мерцание камешков. Это были не просто блестяшки, это были блестяшки, полные магии. Драгоценные камни, кольца, цепочка с изумрудом… Все такое красивое, вкусное, удивительно-невероятное.

Из всего этого богатства особенно выделялись золотые часы. Они были самым большим сокровищем, но совершенно не магическим.

Что забыли обычные, пусть и дорогие, часы среди этих богатств, я не знала, но спустя несколько мгновений, когда снизу послышался недовольный голос волка, поняла страшное: все это мне придется отдать ему.

Потому что это у-ли-ки. Отвратительное слово, от которого горчило на кончике языка.

Все… но, возможно, стоит просто предположить, что часы, бесполезная, в сущности, вещица, уликой не были. Потому что они без магии. Наверное, по ошибке попали в мешочек.

И нет смысла отдавать и их тоже, только волка ими запутаю. Он решит, что часы сильно важные, начнет искать, уйдет совсем не в ту сторону, потому что не будет знать, что на самом деле это всего лишь блестяшка. Моя прекрасная блестяшечка…

– Анха! Мне тебя долго еще ждать?! – рявкнул снизу злой волк.

Я вздрогнула, воровато огляделась и быстро закопала часы в снегу.

– Я скоро вернусь за вами, мои золотые, – пообещала, нежно похлопав лапкой снежный холмик, стянула тесемкой края мешочка, ухватила его зубами и быстро спустилась вниз, к нетерпеливому оборотню.

– Это что? – спросил он.

Поджаренный лежал у стены прямо в снегу, Хельму сидел рядом с ним, бледное лицо пошло нездоровыми красными пятнами, и я бы непременно забеспокоилась, не приметь снег, прилипший к вороту кителя.

Я бы на месте волка растираться снегом из сомнительной подворотни не стала, а я тарса, нечисть дикая и не то чтобы брезгливая… здравомыслящая просто.

– Это вот его. – Я протянула мешочек волку, махнув хвостом в сторону похитителя. – Выпал, когда он по снегу катался.

– И что там? – спросил волк, уже заглядывая внутрь.

– Блестяшки, – выдохнула я, алчно следя за покачиванием мешочка.

– Хм-м-м…

– Нам бы вернуться, – напомнила я, с трудом переведя взгляд на лицо Хельму. Ночи я не боялась, особенно в такой представительной, пусть и потрепанной, компании, но дома ждала Эдит, а мы уже серьезно задержались.

– Да, – сказал волк, попытался подняться, но не смог.

Коротко выдохнул, нахмурился и попробовал еще раз. И еще.

– Все, ты сегодня находился, – сказала я, когда у него ничего не вышло и с четвертого раза. – Посиди здесь, а я кого-нибудь из твоих приведу.

– Анха…

– Серьезно, босс, тебе сегодня больше всех досталось, подумай немного о себе.

Он упрямо поджал губы и собирался попробовать в пятый раз.

И я решила его не щадить.

– А не хочешь думать о себе, подумай об Эдит. Ты уже и так на свеженький труп похож, будешь упрямиться, свеженьким трупом и станешь. Не думаю, что мелкая это оценит, вроде бы только ты у нее и остался.

Хельму отвел глаза и коротко велел:

– Поторопись.

– Так точно!

В одиночку, без необходимости подстраиваться под оборотня, обратно я вернулась быстро и, только выскочив к дому, поняла, что нас не было от силы минут двадцать. Выбитое окно все так же щерилось осколками стекла, оглушенные стражники стонали уже из повозок целителей, а по улице прохаживались стражники свеженькие, здоровые.

Кто бы их ни вызвал, он очень упростил мне задачу.

Выбрав первого не занятого, на мой взгляд, стражника – молодого парня, как раз проходившего рядом со мной, бросилась к нему под ноги и настойчиво подергала за край сапога.

Он замер, непонимающе глядя на меня.

Я еще раз дернула, отбежала на несколько шагов и обернулась на него. Парень молчал, глупо таращась на меня.

Пришлось возвращаться, дергать еще раз, снова отбегать и оборачиваться.

Стражник стоял там же, где и раньше, не думая даже шевелиться.

То ли глупый, то ли ленивый…

Злобно фыркнув, я подбежала к нему, решив попытать удачу в последний раз. Если этот тугодум так и останется стоять, пойду искать кого-нибудь посмышленее.

– Берт, за каким бесом ты тут прохлаждаешься? – В нашу сторону уверенно направлялся секретарь Хельму.

Я воспряла духом и уже собиралась проделать с ним тот же трюк, когда тугодум заговорил:

– Эта мелочь от меня чего-то хочет.

Секретарь посмотрел на меня.

– Это же нечисть командора.

– Уверен?

Секретарь присмотрелся.

– Точно она.

Звучало многообещающе. Я на удачу отбежала на три шага и повернулась к секретарю, игнорируя тугодума.

Тот не подвел, велел мне немного подождать, взял еще трех стражников и пошел за мной.

К тому моменту, как я вернулась к волку, он уже спал, уронив голову на грудь. Качественно вырубленный похититель валялся рядом и радостно синел от холода.

А я уже представляла, как в красках опишу Эдит спасение ее безголового отца героической мной…

Хорошая должна была получиться история.

***

Хельму не вернулся этой ночью домой, я тоже.

Бессознательного командора оставили отдыхать в лазарете, на третьем этаже управления. У меня было как минимум три возможности выскользнуть из-под рассеянного надзора помощника и сбежать к Эдит, но я не смогла себя заставить. Представила, как мне придется объяснять мелкой, почему ее безответственный отец не вернулся сегодня домой, врать о том, что он точно в порядке, хотя я не была совсем в этом уверена… и малодушно решила оставить эту неприятную работу кому-нибудь другому. Пусть лучше Юстина объясняет все детенышу или кто-нибудь из прислуги.

О том, что мне стоило бы вернуться, чтобы хотя бы помурлыкать Эдит ночью, я подумала уже слишком поздно, свернувшись клубочком на мерно вздымающейся груди волка, разместили которого в отдельной палате.

Поджаренный, наверное, лежал где-то в соседней палате. Возможно, такой же одноместной и насквозь пропахшей стерильностью. Возможно, в общей, среди стражников, с трудом пришедших в себя после его атаки…

Хотя нет, конечно, он в одноместной. Прикован к кровати, прямо к этому железному каркасу, что прекрасно заметен под съехавшей в сторону простыней и жжется холодом, если прикоснуться.

Хельму, как истинный мазохист, стремился примерзнуть к железу рукой. Я, чувствуя себя чуть ли не его нянькой, всю ночь стояла на страже волчьего здоровья: сползала с тепленькой груди оборотня, убирала его руку под тонкое одеяло, пыталась как-то спрятать каркас под простыней (всегда неудачно, но я каждый раз упрямо пробовала) и заползала обратно. И так до самого утра.

А утро в управлении наступало рано. Почти ночью.

Еще в темноте по коридору начали ходить люди, в отдалении слышалась вялая ругань, где-то кто-то глухо кричал с недолгими перерывами.

У волка тоже утро наступило слишком рано.

– Анха? – В голосе его было море удивления и ни капли радости.

– Знаешь, босс, я еще не в курсе, сколько ты мне платишь, но уже уверена, что сильно недоплачиваешь, – мрачно сказала я, растирая морду лапками. Потом сообразила, что ничего он мне не платит, мы же никаких договоров не заключали, а люди без них с деньгами расстаются сильно неохотно, и настроение мое совсем испортилось.

Челюсть сводило от желания куснуть разочек волка. Или не разочек…

Хельму мои страдания не заботили, он желал знать, как оказался в лазарете, что с преступником и с его людьми.

– Записку с предупреждением, что ты не вернешься, в твой дом отправили, хотя я все равно думаю, что Эдит будет беспокоиться, – мстительно начала я не с того, о чем он спрашивал. Волк вроде бы устыдился, но бросать дела и ехать к дочери не спешил.

Выслушал отчет от меня, потом то же самое – от его помощника. Долго пропадал в душевой, а вернулся отвратительно свеженьким и готовым работать. Мне даже смотреть на него, такого выспавшегося, было противно.

И чтобы не смотреть, я забралась на его плечо, устроилась со всеми удобствами, вцепилась лапой в волосы и нагло спросила:

– Что собираешься делать?

– Проведать заключенного…

– И я с тобой! – выпалила, не дав ему договорить.

– Анха…

– Ты же к поджаренному, так?

– Поджаренному?

– Ну вчерашнему неудачнику?

– Анха, – повторил он вместо нормального ответа, и я поняла: попала в самую точку.

– Хочу на него посмотреть. Это мой трофей.

Я его выследила, я его поймала, я его обезвредила… и вырубить его тоже могла бы я.

И пусть право решать его судьбу у меня отняли, но он все равно принадлежал мне. Человек бы этого не понял, и я сомневалась, что может понять Хельму, с его-то спящим зверем.

Но спорить волк не стал. Может, и понял.

Мы не пошли ни к одной из палат, прошли мимо всех, спустились на первый этаж – волк рассеянно кивал подчиненным, я дремала, – прямо от главной лестницы свернули в длинный коридор без дверей, завершившийся еще одной лестницей, ведущей вниз.

Коридор этот был насквозь пропитан магией, и к концу пути я была сыта по горло. Напиталась на месяц вперед.

– Ты меня сюда почаще води, – попросила я шепотом.

– Зачем?

– Ты же боевой маг, должен был нечисть изучать, – с укором сказала я. – Мы вашу магию любим. Я так вообще обожаю, она поддерживает мой огонь.

Еще у меня была теория, что именно благодаря контакту с человеческой магией нечисть и получает возможность превращаться, но рассказывать об этом Хельму я посчитала лишним.

Волк поднял глаза на потолок, туда, где между светильниками прямо на камне тлели магические символы.

– Подъедаешь нашу защиту?

– Скажешь тоже, разве одна маленькая тарса может взять настолько много, чтобы что-то повредить? – возмутилась я. – К тому же я осторожно.

Хельму покосился на меня.

– Я лучше куплю тебе накопитель и сам буду его наполнять.

– Ну… – я бы, конечно, предпочла прогулки по коридору какому-то скучному накопителю, но решила не настаивать, – ладно.

Из мрачного полумрака лестницы послышались шаги – кто-то поднимался наверх, нам навстречу. Волк напрягся и отошел на несколько шагов назад, неосознанно шаря рукой у бедра, там, где должен был висеть меч, полагающийся ему по должности.

Но китель, значок городской стражи и меч – все осталось наверху, в его кабинете.

Первым поднялся худенький бледный стражник. Увидев перед собой начальство, он вздрогнул и что-то невнятно замычал.

Сразу за ним показался странный мужчина. Это был не стражник, и, судя по потемневшему лицу волка, права спускаться в тюрьму он не имел.

– Я артефактор, – неприятно улыбаясь, незнакомец заговорил первым. – Слышал, вы поймали вора и даже нашли некоторые мои наработки. К сожалению, среди них не было одной очень важной… Я всего лишь хотел узнать, где она.

– То есть в хранилище вы уже побывали, – констатировал Хельму.

– Виноват, – беспечно сознался артефактор.

– Хорошо, что вы это понимаете, – мрачно ответил волк, выразительно глядя на подчиненного. – Значит, не будете возражать, если я задам вам пару вопросов?

– Разумеется! Помогать городской страже – мой долг.

– Подождете в моем кабинете, – велел волк, и незнакомец даже не подумал возражать.

– Конечно! Этот стражник меня проводит.

– Не думаю.

Мы потратили еще десять минут на то, чтобы вернуться вместе с… подозреваемым, он определенно был подозреваемым, потому что вел себя крайне подозрительно. Хельму сам выбрал стражника, велел тому проводить мастера Деккара – так он назвался, Зофрэ Деккар – и вместе с артефактором дождаться его возвращения.

Мастер только улыбался и соглашался со всем, он выглядел безобидным и дружелюбным, но каждый раз, как взгляд его темных глаз останавливался на мне, все внутренности будто льдом сковывало.

– Не нравится он мне, – пожаловалась я, когда мы вновь вернулись к зловещей лестнице и наконец начали спуск.

– Мне тоже, – сказал волк.

Тюрьма управления городской стражи не впечатляла. Чистенькое серое помещение, единственным плюсом которого было его подземное расположение и близость морга – это создавало особую атмосферу. Впрочем, простые люди едва ли могли почувствовать витавший в воздухе запах бальзамического состава, смешанный со стылым, не поддающимся описанию ароматом смерти.

Вдоль стен с двух сторон широкого прохода шли камеры. Толстые надежные прутья, как и потолок в том мрачном коридоре, были украшены защитными символами.

Половина камер была пустой. В одной жил какой-то буйный псих, при виде командора бросившийся на прутья и потребовавший его немедленно выпустить. Сам псих меня не заинтересовал, а вот ошейник на его шее – очень даже.

– Какая красивая блестяшка, – протянула я, жадно следя за красными всполохами в глубине камня. На фоне черной кожи ошейника красный камень выглядел особенно маняще. Рубин же, это точно был рубин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.